
ПУБЛИЦИСТИКА И ПРАВДА ЖИЗНИ

Виктор Буланичев
(г. Бийск)

**ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
И ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА
ПРИБЫТКОВЫ**
Люди Сибири

Виктор Васильевич Буланичев — филолог, журналист, публицист, издатель, общественный деятель. Главный редактор журнала «Бийский Вестник». Директор «Демидовского фонда». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат многих премий. Живет в Бийске.

I

В огромном архиве доктора Георгия Алексеевича Прибыткова, который передал мне его единственный сын Виктор Георгиевич, я обнаружил небольшой листок с рифмованными строками, написанными малопонятным специфическим медицинским почерком. Мне с трудом, но удалось их прочитать.

*Много бедствий, много горя
Жизнь несет с собой,
Но вал неудач,
Не сломит мою волю!
Труден путь,
А дойду до цели желанной!
И тогда-то наслаждаться
Буду жизнью полной!
Ни один человек
Не уйдет от меня
Со слезами горя:
Счастья всем буду нести —
Это цель жизни всей,
Это моя доля!*

Потрясающие строки! Так мог написать только человек с пламенной душой и горячим сердцем, преданный своему профессиональному врачебному долгу, глубоко

верующий, православный. О Георгии Алексеевиче Прибыткове мне рассказывал наш известный писатель и краевед Василий Федорович Гришаев, о его встречах с сыном доктора и о сохраненном им архиве и вещах отца. Меня привлекла личность доктора Г. А. Прибыткова как организатора лечебного дела в Бийске и Бийском уезде и как создателя первой городской амбулатории и первого «Героя Труда» в нашем городе, создателя вместе с супругой Викторией Викторовной, Благотворительного общества. Из рассказов В. Ф. Гришаева у меня сложился образ русского интеллигента, сильного и целеустремленного человека, в то же время скромного, даже застенчивого, но с твердой волей и высокими нравственными качествами. Как-то Василий Федорович посетовал, что потерял связь с сыном доктора, просил меня разыскать его, расспросить об отце, записать его рассказ и по возможности сохранить архив Георгия Алексеевича и память о нем.

Шел 2004 год, в этом году у основателя медицинского дела в Бийске Георгия Алексеевича Прибыткова был 150-летний юбилей и общественность города решила его отметить. Я все откладывал розыск Виктора Георгиевича Прибыткова, сына доктора. Меня смущали даты. Вот тогда я и прикинул, что если Георгию Алексеевичу исполнилось 150 лет, то сколько же лет должно быть сыну? Сто лет, не меньше. А до такого возраста мало кто доживает. Известно также было, что супруга Георгия Алексеевича, Виктория Викторовна, умерла еще в 1919 году. Тем не менее, я начал поиск по всему Алтайскому краю, по известным мне каналам. Искал далеко, а нашел близко. Полученное известие меня обрадовало и удивило. Предмет поиска находится недалеко от Бийска, он жив и относительно здоров, ему 83 года, он житель села Акутиха Быстро-Истокского района Алтайского края.

В первую мою поездку встретиться с ним не удалось. В администрации Акутихи рассказали, что живет в селе давно. Женат. Жену зовут Людмила. Она медик. Всю свою жизнь Виктор Георгиевич проработал фельдшером на Акутихинском стекольном заводе. В селе его знают и уважают от мала до велика. В этом я потом неоднократно убеждался, когда приезжал к нему. Ни работники администрации, ни жители села, с которыми я общался, не знают ничего о его выдающемся отце. Удивлялись, когда рассказывал им, что портрет отца Виктора Георгиевича находится в галерее «Выдающиеся люди Бийска» и что в Бийске есть улица, носящая его имя, и установлена мемориальная доска. Кстати, как потом выяснилось, об этом не знал и он сам.

В следующий свой визит в Акутиху я пригласил бийских краеведов А. Г. Бошкова и Г. А. Нечаева. Вот как описывает нашу поездку А. Г. Бошков:

«...Выехали утром, по легкому морозцу, по обледенелой, припорошенной свежим снегом дороге. От Бийска до Акутихи шестьдесят с небольшим километров. Ехать нужно через село Соколово. Вскоре были в Соколово и не могли не подъехать к Иткульскому спиртовому заводу, одному из старейших в России. Село большое, основано в 1730 году. Оно расположено рядом с уникальным сосновым бором на речке Иткуль, славившейся чистой и вкусной водой. Завод был построен барнаульским купцом Григорием Терентьевичем Бадьным в компании с дворянином, советником Алтайского горного правления, предпринимателем Константином Павловичем Платоновым. Завод был пущен в 1868 году и работает до сих пор. Продукция завода широко известна своим прекрасным качеством.

От спиртзавода дорога через овраг, по дну которого протекает не замерзающая речушка, уходит резко в сосновый бор и идет среди густого соснового леса. Дорога не широкая, очень живописная. При въезде в Акутиху нас встретили разбитые фермы и несколько домов без крыш, с пустыми глазницами окон. Похоже на разруху...

В селе же, у каждого дома, большие запасы дров: поленницы швырка, чурки,

долготье — сотни кубометров, по несколько тюков сена. Значит, много скота. Жизнь, да, идет! Настроение изменилось, улучшилось.

Поехали к администрации села. Расположена она в уютном старинном двухэтажном доме, в березовой роще. Рядом школа и котельная. Руководство администрации отсутствовало, но работающие там женщины с удовольствием начали рассказывать, какой достойный, отзывчивый, уважаемый человек Виктор Георгиевич Прибытков. Скольких он вылечил, как помогал попавшим в трудное положение людям и что до недавнего времени он определял остроту зрения и подбирал очки. Подсказали, как к нему проехать. Живет он по улице Береговой, дом 27. Проехали мимо когда-то знаменитого стекольного завода, основателем которого в 1873 году был, уже известный нам по Соколово, К. П. Платонов. На заводе изготавливали не только бутылки, оконное стекло, но и посуду, и даже хрусталь. Первыми мастерами были рабочие со знаменитых Мальцевских фабрик европейской России. Сейчас, уже несколько лет завода практически нет: цеха разбиты, разграблены, на месте стоит пока еще труба от бывшей котельной да пилорама. Впечатление удручающее. Жители села в основном пенсионеры. Для молодых работы нет. На заборах прочли несколько надписей со стрелкой-указателем: «Сбор папоротника, сдача папоротника, грибов, ягод». Сезонные работы, как и во многих сейчас деревнях и селах страны.

Вот и улица Береговая, подъехать к дому не удалось. Улица неширокая, и в сугробах по метру высотой. Прошли по узенькой тропинке к интересующему нас дому. Домик небольшой, калитка открыта, собачья конура пуста.

Видно, что особого догляда за домом нет, оно и понятно — живет одинокий старый человек. Дверь в дом заперта. Постучали раз, второй, третий — молчок. На стук в окно, с вопросом «кто там» (мы представились) дверь открыл старичок с белой небольшой бородкой и голубыми глазами, смотрящими как-то особенно, не по цели. Вежливо и доверительно поздоровался и предложил пройти через сени в дом. Дом — деревенская изба без перегородок, с печкой-камельком посередине. Больно резанули по сердцу неухоженность, запущенность. Все покрыто, буквально, слоем пыли. Мы прекрасно понимали, что плохо видящему, старому человеку трудно, может быть, не под силу, ухаживать за домом и поддерживать порядок внутри дома, но живет-то он среди людей, для которых трудился всю свою жизнь.

Виктор Георгиевич пригласил присесть и доброжелательно спросил о цели визита. Сразу стало ясно, какой это интеллигентный, приветливый, внимательный человек — сын легендарного бийского врача Георгия Алексеевича Прибыткова.

Тяжело было смотреть на нелегкую, одинокую жизнь в старости этого заслуженного человека.

У Виктора Георгиевича Прибыткова мы провели в беседе несколько часов...»

Я использовал отрывок из «Записок» краеведа А.Г. Бошкова о нашей совместной поездке в Акутиху, чтобы читатель погрузился в то время, в те жизненные условия и обстоятельства, в которых мы все жили, когда веками создаваемый нашими предками привычный уклад жизни был порушен, а люди брошены, предоставлены сами себе и каждый выживал как мог.

Впоследствии я много раз посещал Виктора Георгиевича в компании с краеведами, музейщиками, журналистами, историками, пока он доверительно не попросил меня приезжать одного или с моей женой Надеждой Ивановной. Видно, общение с большим количеством людей его тяготило и утомляло.

Каждый раз я поражался его крепкой памяти. Он помнил почти каждый документ обширного архива отца, каждую книгу их огромной библиотеки, даты, события, эпизоды своей личной жизни, факты истории страны, края, села, круг друзей и знакомых, родителей и многое, многое другое. Помнил даже услышанные когда-то диало-

ги и легко их воспроизводил с нужной интонацией. С большой любовью, уважением, теплотой, даже трепетом говорил о своем отце, о первой жене отца известной бийской благотворительнице и просветительнице Виктории Викторовне, которую никогда не видел и знал лишь с его слов.

О себе рассказывал скупно. Со слов отца знает, что в 1919 году, перед смертью, Виктория Викторовна благословила его жениться на их экономке Юлиане. Юлиана Ульриховна Грунт приехала на Алтай из Прибалтики по приглашению своего дяди, служившего Управляющим лесами, которые принадлежали царской семье. Отец исполнил волю усопшей супруги. В 1921 году родился Виктор Георгиевич. Георгию Алексеичу было тогда 67, а Юлиане Ульриховне 40 лет. Он окончил фельдшерскую школу. В юности сильно и долго болел, поэтому в армию не призвали и на фронт не взяли. В 1940 году умер отец, и они с матерью, продав дом, переехали на жительство поближе к родственникам, в Акутиху. Работал фельдшером, сколько мог, на стекольном заводе. Всю жизнь мечтал стать врачом. Не получилось. Женился на медицинской сестре уже в зрелом возрасте. Детей нет. Сейчас жена живет в соседнем доме со своей престарелой матерью. Три раза в день приносит ему еду. Хоть и трудно, но сажает огород. Плохо видит и слышит, но сохранил хорошую память.

Скажу, что в этом человеке необъяснимо чувствуется порода. Во всем: в осанке, жестах, особенно в разговорной речи. Он как бы из другого времени.

Виктор Георгиевич по жизни всегда и во всем стремился соответствовать отцу. Для него пример его жизни и деятельности был высшим пониманием смысла жизни: в профессии, в поступках, в отношении к людям, событиям, женщинам, во всем. Он для него был духовным и нравственным критерием, исключительным и полным совершенством. Это свое восхищение отцом, как я понимаю, он хотел кому-то передать, чтобы память о Георгии Алексеиче подольше сохранилась.

По-видимому, я и явился тем самым человеком, которому он мог бы довериться и рассказать об отце все, что сохранила его память.

Виктор Георгиевич передал мне архив, личные вещи, медицинские инструменты, много фотографий, часть мебели и библиотеки Георгия Алексеича. Он просил меня по моему усмотрению распорядиться вещами. Я большую часть передал в фонды Бийского краеведческого музея имени В. В. Бианки, где теперь есть экспозиция, посвященная Г. А и В. В. Прибытковым. В музее «Истории медицины Алтая», в городе Рубцовске, создан кабинет доктора Прибыткова. Им я тоже передал вещи, инструменты, книги, фотографии.

К сожалению, сохранилась лишь небольшая часть огромнейшей библиотеки Прибытковых, вернее, ее медицинской составляющей. Виктор Георгиевич рассказал мне, что в конце семидесятых годов он составил список медицинской литературы библиотеки (это несколько тысяч наименований) и отправил их в ректорат Харьковского медицинского института затем, чтобы они выбрали необходимые им. Ответ пришел быстро. Выбрали почти все. И Виктор Георгиевич отправил несколько десятков больших ящиков с книгами в адрес института. Так он отблагодарил Харьковский медицинский за отца — выпускника института (тогда университета). Теперь Харьков украинский город. А это другое государство. Мне жаль, что так получилось.

Художественную литературу, а это несколько сот томов, я передал в библиотеку села.

II

Родился Георгий Алексеич Прибытков 22 апреля 1854 году в слободе Гадючьей Богучарского уезда Воронежской губернии. Отец и дед были священниками. Братья отца и деда тоже были священнослужителями. И хотя с малолетства его интере-

совала медицина, просто сгорал от любопытства: как устроен человек, что находится у него внутри, в какой взаимосвязи, но он был просто обязан продолжать семейную традицию священничества. Таковы были нравственные нормы в те времена. Пойти против воли родителя немислимая дерзость, поступок из ряда вон. Девяти лет был принят в Духовное училище, которое располагалось в городе Павловске Воронежской губернии. По окончании училища поступил в Духовную семинарию Воронежской Епархии Русской православной церкви и в 1875 году с отличием ее окончил. К этому времени умер отец, и забота о многочисленном семействе легла на его плечи. Год прослужил священником на приходе. Карьера священнослужителя складывалась удачно, но стремление стать врачом с годами не прошло. И в 1876 году, выдержав сложнейшие экзамены, был принят в Харьковский университет на медицинский факультет. Учебу в университете приходилось сочетать с постоянными подработками, так как нужно было содержать мать и младших братьев и сестер.

Быстро пролетели студенческие годы. В 1882 году, выдержав экзамены, Георгий Алексеевич был утвержден медицинским факультетом Харьковского университета в степени лекаря и в звании уездного врача.

Мечта сбылась. Теперь он дипломированный специалист, сможет облегчать участь больным людям. Помните строчки из его стихотворения? /Ни один человек/ Не уйдет от меня / Со слезами горя: / Счастье всем буду нести, / /Это цель жизни всей // Это моя доля! /

Медицинский департамент Министерства внутренних дел России, в марте 1883 года, определил Прибыткова Г. А. Колыским городовым врачом (Могилевской губернии) и в этом же году, через несколько месяцев, перемещен врачом в Горно-Горетский.

В обязанности городского врача входило: заведование больницей общественного призрения на 15 кроватей, военным лазаретом на 10 кроватей и судебно-медицинские исследования в пределах города. Жалованье выплачивали небольшое. За всю эту работу городскому врачу полагалось 18 рублей в месяц, в то время как уездный врач получал 900 рублей в год, сельский — 700 рублей.

Георгий Алексеевич обратился в Медицинский департамент с ходатайством о новом назначении, причем просьба его для многих была странной. Он просил направить его в Сибирь, в самую глушь. И в то время выпускники университетов стремились закрепиться в столицах, на теплых местах, рядом с родителями или родственниками, поближе к цивилизации.

Причин, побудивших его к такому решению, было несколько: небольшая заработная плата (ему нужно было еще помогать семье), стремление к самостоятельной работе, женитьба.

В 1883 году Георгий Алексеевич женился. Его избранница, Виктория Викторовна Корсак, родилась в 1866 году.

Дворянка по происхождению, она росла в богатой семье, получила хорошее домашнее воспитание, прекрасно играла на фортепиано, пела, рисовала, писала стихи, знала несколько иностранных языков, литературу. И была чрезвычайно хороша собой.

Что же объединило этих разнословных людей? Я думаю, единство взглядов, убеждений, жизненных позиций и устремлений. В конце XIX века многие молодые люди были одержимы идеей народного просветительства. Их устремление идти в народ, просвещать, сеять разумное, доброе, вечное находило реальное воплощение. Прибытковы были из этого прогрессивного поколения. Их желание уехать в Сибирь не было случайным. Следовательно, и ходатайство о новом месте службы не было случайным.

Ему предложили город Кузнецк Томской губернии. Он согласился. В своем дневнике Г. А. Прибытков пишет: «15 октября 1883 года это место было зачислено за мной. В Кузнецк мы приехали в начале января 1884 года (железной дороги в Сибири в то время еще не было). В Кузнецке ни больницы, ни амбулатории не было. Больные редко обращались за помощью к врачу. В Кузнецком округе, в то время, свирепствовала чума на рогатом скоте. Так как ветеринарного врача не было, то его обязанности возлагались на меня...»

Можно представить, какие заботы и профессиональная ответственность ложились на молодого специалиста.

В августе 1884 года постановлением Томского губернатора Г. А. Прибытков «перемещен для пользы службы в город Бийск городским врачом». С этого времени и до самого своего ухода, жизнь и деятельность выдающегося врача Георгия Алексеевича Прибыткова и его жены, друга, помощника, единомышленника, просветителя Виктории Викторовны большей частью связаны с Бийском.

О состоянии здравоохранения в нашем городе в те далекие годы можно судить по материалам справочника «Бийский уезд Томской губернии», изданного в 1910 году.

«В состав Бийского врачебного участка входит пять волостей с населением в девяносто две тысячи человек; при этом на медикаменты отпускается около пятисот рублей в год».

Заметим, что участок обслуживал один врач, а в больнице было всего шесть коек.

«Медицинского персонала недостаточно даже для простого констатирования заболеваемости населения... Громадный процент населения хворает и умирает без всякой медицинской помощи».

Автора справочника трудно заподозрить в преднамеренном сгущении красок. Им был бийский полицейский исправник В. Штейнфельд.

Так обстояло дело со здравоохранением в 1910 году. А раньше, в первые годы работы Прибыткова, оно, без сомнения, было еще хуже.

В обязанности городского врача входило посещение больных по их вызову (поликлиник тогда не было) и оказания им бесплатной медицинской помощи. Причем дело было поставлено так: врачебная помощь бесплатно, а лекарства купи на свои деньги. Беднота лекарства покупать не могла. Но тогда какой же смысл имела работа врача? Оставить людей без помощи? Выход был найден самый простой. На рецептах неимущей бедноты писал: «За мой счет». А в конце месяца Георгий Алексеевич по этим счетам выплачивал 40—60 рублей. Сумма по тому времени не малая, а Прибытков жил только на зарплату. Но все же этим не решался вопрос бесплатной медицинской помощи. Городская управа ничего не хотела для этого сделать. Пришлось Георгию Алексеевичу обратиться к частной благотворительности. Видно настойчив и упрям был молодой доктор, если сумел заставить раскошелиться богатых людей. Деньги были собраны. На них он открыл бесплатную амбулаторию для бедняков. Это была первая амбулатория в Бийске. Из собранных денежных средств закупились лекарства для бедноты.

Конечно, эти меры не были радикальными. Они не могли исправить того удручающего положения в здравоохранении, но они показывают Прибыткова во весь рост с его высоким чувством ответственности за порученное дело, с его любовью к людям. Говорят, не было случая, чтобы доктор Прибытков сердито посмотрел на больного или не пришел к нему в назначенный час. В дождь ли, в бурю, в любую погоду шел он к людям, ждавшим его помощи. Придет, достанет из саквояжика деревянный старенький стетоскоп, погладит седой клинышек бородки и приветливо спросит, ласково щурясь из-за стекол очков:

— Ну-с, на что жалуемся?

Не менее восторженные отзывы сохранились и об его врачебном искусстве.

— Прибытков спас мне жизнь.

Такую фразу можно было услышать не от одного посетителя.

Начиная с первых лет работы, Георгий Алексеевич живо интересовался всеми достижениями медицинской науки, все свободное от врачебной работы время он проводил за изучением бесконечно развивающихся медицинских дисциплин. Он не отставал от движения науки. Выписывал все российские и несколько иностранных медицинских журналов, новые книги. Ему требовались обширные познания в медицине, так как он был первым и единственным в Бийске хирургом, акушером, глазником, педиатром и терапевтом. И за всем развитием этих специальностей он следил и стремился не отставать. Неоднократно ездил на курсы усовершенствования в Петербург. Так как научных командировок и отпусков для этой цели не было, то ему приходилось приглашать для временной работы кого-нибудь из врачей, оставлять ему свой заработок и на скромные личные сбережения ехать учиться.

Он любил занятия с микроскопом. Часто можно было видеть его дома, склонившись над аппаратом и изучающим вредителей — врагов человеческого здоровья — микроорганизмов. Свои знания он не таил и охотно передавал своим ученикам, которых сумел заинтересовать медицинской наукой.

Заботы, волнения, недоедание в прошлом, переброски с места на место сделали свое дело: Георгий Алексеевич заболевает туберкулезом. Лечиться в то время можно только при исполнении служебных обязанностей и за свои средства. Он вышел в отставку и вместе с Викторией Викторовной уехал в Горный Алтай, став врачом на золотых приисках. Здесь они прожили почти двенадцать лет. Георгий Алексеевич лечился сам и лечил людей.

Дико в то время было на Алтае. Беспросветная темнота царила на приисках. Они располагались в узких горных долинах, кругом суровые горы и угрюмая тайга. Скучна и тяжела была окружающая обстановка. Для рабочих и служащих не было возможности разумного использования свободного времени. После шестидневного, 10—12 часового рабочего дня наступало воскресенье. День отдыха, и вместе с тем широкого, повального пьянства. Свободно и выгодно шла работа спиртоносцев. Очутившись в такой тяжелой обстановке, Прибытковы поняли, что нужно что-то сделать, внести искру света в эту безрадостную жизнь, разнообразить быт и досуг рабочих.

Прибытковы собрали деньги и стали приобретать книги, картины, а самое главное, купили новинку того времени — волшебный фонарь для показа картин на экране. На первые сеансы пришли дети, несколько женщин, а там стали подходить и рабочие. Желающих посмотреть картинки из волшебного фонаря и послушать увлекательные рассказы становилось все больше и больше. И вот уже аудитория не вмещает всех желающих, люди потянулись к светлomu и прекрасному. Пьянство резко уменьшилось, прекратились семейные ссоры и драки. Тогда у Прибытковых явилась новая идея. Они создают драматический кружок, где сами и режиссеры, и актеры. В дальнейшем был создан оркестр. Просветительская деятельность Прибытковых дала хорошие результаты.

Общественно-просветительская работа Георгия Алексеевича не мешала врачебной. Была выстроена больница и открыта родильная комната (покой). От знахарок больные, родильницы перешли к акушеру и врачу. Развилось врачебное дело. Но где лечение, там должна быть и профилактика. В то время рабочие жили в бараках (казармах), а часть новоприбывших в шалашах. Загрязнение бараков и почвы было страшное. Доходило до того, что рабочие иногда мочились в углу жилища. Естественно, что вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Каждый день сваливалось по не-

скольку человек. Для прекращения эпидемии Георгий Алексеевич потребовал от администрации приисков убрать на аршин глубины почву у бараков в поселке и засыпать свежей галькой, сжечь шалаши рабочих и построить за счет владельцев приисков новое жилище. Администрация отказала, сославшись на то, что это будет стоить им пуд золота. Г. А. Прибытков был настойчив и крепок в своем решении. Дело дошло до Петербурга. Пришел приказ выполнить все требования доктора. Эпидемия прекратилась. Много приходилось Георгию Алексеевичу бороться с другими мелкими эпидемиями. Особенно безнадежной оказалась борьба с оспой. Ослопрививания не было, да и не было детрита. Георгий Алексеевич едет в Петербург, работает в оспенном телятнике, учится сам готовить детрит.

Людское доверие и уважение было завоевано, но не были решены еще многие проблемы жизни людей. Прибытков был единственным врачом на большом географическом пространстве, поэтому нес огромные профессиональные нагрузки. К тому же в 1893 году постановлением Томского губернатора он был назначен руководителем единственного тогда Смоленского врачебного участка с обязательством оказывать медицинскую помощь и на приисках. А прииски отстояли от села Смоленское на 250—400 верст...

У меня хранится уникальный документ, обыкновенный листок, в клеточку, из архива Г. А. Прибыткова, на котором он скрупулезно заносил названия населенных пунктов и расстояния между ними. Так он отмечал маршруты (он их называл прогонами), которые ему приходилось проделывать по вызовам людей. Так вот, с 1 октября 1891 года по 12 августа 1892 года, чтобы облегчить страдания больных, он преодолел 4560 верст. Из них: в летнем экипаже 180 верст, в зимнем экипаже 2868, верхом 1476 и на лыжах 36 верст. Комментарий, что называется, излишни.

Георгию Алексеевичу было приказано построить Смоленскую больницу. Деньги на постройку отпускались скромные и по базарным ценам совершенно недостаточные. Но приказ должен быть выполнен. Больница была построена. Правда, ему самому приходилось в деревнях покупать каждое бревно, каждую плаху. Через год его освободили от работы по Смоленскому участку.

В 1901 году Прибытковы возвращаются в Бийск. Георгий Алексеевич получает назначение заведующего амбулаторией приискового казенного склада, а с марта 1906 года заведующего Бийской городской больницей. Бедна была больница того времени, больница городской Управы. Для того чтобы исправить положение и направить работу, нужна была энергия руководителя, любовь к делу и умение заинтересовать этой работой сознательных граждан города. Ему удалось попечением добрых людей провести в больницу электричество, обеспечить ее необходимой обстановкой. Работал он в больнице утром, днем, работал и вечером. Работал не только много, но умело, вкладывая в нее всю душу. Несмотря ни на какую погоду, будь то жара, буря, дождь, любая непогода, все равно больной знал, в урочный час его встретит Георгий Алексеевич и облегчит страдания. Уцелевшие до нашего времени скорбные листы (медицинские карты) больных остаются для нас образцом преданного отношения к врачебной делу.

Всем была видна добросовестная и честная работа Г. А. Прибыткова. Но нашлись недоброжелатели. По чьему-то навету городская Управа назначает внезапную ревизию больницы. Ревизия не нашла недостатков, но Георгий Алексеевич потребовал более глубокой проверки. И снова все было найдено в полном порядке. Интересен следующий случай. Приезжает в Бийск губернатор. Шептуны докладывают ему о беспорядке и бесхозяйственности в больнице. Губернатор, не предупреждая заведующего и в его отсутствие, делает ревизию. Осматривает все до подвала и кухни включительно, опрашивает больных. Но вынужден был признать образцовое ведение

больничного хозяйства, преданность делу и на редкость хорошее и внимательное отношение к больным.

Эти необоснованные и обидные обвинения заставили Г. А. Прибыткова подать в отставку. Городская Управа просит его остаться, попечители составили глубоко прочувственное письмо с такой же просьбой. Но Георгий Алексеевич непреклонен — слишком глубоко было оскорбление недоверием. На работу он не вернулся, но от мысли работы для бедноты не отказался. В 1913 году он купил дом, оборудовал нижний его этаж под амбулаторию и занялся частной практикой.

Частнопрактикующий врач, да еще такой известный, как Прибытков, мог в то время заработать немалые деньги. Но не таков был доктор Прибытков. Рассказывают, когда один купец оставил на его столе сумму, на несколько рублей превышающую установленную плату за визит, он немедленно послал ему вслед лишние деньги. Бедняков же лечил бесплатно.

Его врачебная деятельность не прекращается и в годы Гражданской войны. К нему шли лечиться «белые» и «красные», духовенство, чиновники, комиссары, офицеры, мещане и крестьяне. Для него не было сословного деления, были просто люди, нуждающиеся в его помощи.

Советскую власть Прибытков встретил на седьмом десятке лет очень спокойно. Его пригласили служить новой власти, он с молодой энергией отдался работе по улучшению здравоохранения в городе.

В марте 1920 года Г. А. Прибытков организовал центральную амбулаторию и стал ее первым заведующим. Вначале в ней был всего один врач — сам Прибытков. Но уже через несколько лет врачей стало четырнадцать, а кабинетов семь: терапевтический, хирургический, невропатологический, гинекологический, глазной, детский, урологический.

О таком размахе работы можно было только мечтать!

В 1925 году по состоянию здоровья Г. А. Прибытков уходит с поста заведующего, но до 1938 года, до 84-летнего возраста, продолжает трудиться в амбулатории в качестве врача-терапевта.

Был в жизни Г. А. Прибыткова очень неприятный момент, о котором он часто вспоминал в последние годы с большой горечью.

В 1919 году представители советской власти выдали Г. А. Прибыткову документ, в котором сказано, что учитывая огромные заслуги перед народом, предъявителя сего документа нельзя уплотнять, притеснять, экспроприировать его имущество и т.д. Тем не менее, произошло следующее. В 1936 году в Бийск на новое место службы прибыл какой-то партийный руководитель (его имя история не сохранила).

Ему было дано право выбора места для жительства. Как вспоминает Виктор Георгиевич Прибытков, одет он был очень добротно: в каракулевой шапке, в кожаном длинном пальто, обут в белые бурки. Весь сам очень важный. Долго ходил по городу, приглядывался, заходил в квартиры и выбрал себе для жительства дом Прибытковых. Дом был двухэтажный. На первом располагалась амбулатория, в которой доктор вел бесплатный прием больных, здесь же было несколько коек для тяжелобольных. На втором было пять комнат: гостиная-столовая, спальня, библиотека, кабинет и гостевая. Все рационально, никаких излишеств. Тем не менее, городские власти предложили Прибытковым освободить дом и переехать в домик в переулке им. Фомченко. Г. А. Прибытков принял эту весть удручающе. Ему не хотелось уходить из обжитых комнат, в которых столько лет прожил. В этом доме прошли счастливые и грустные годы: смерть жены и друга Виктории Викторовны, рождение сына Виктора. Расстроенный, весь в слезах, уехал 82-летний Герой труда на новое место жительства.

Никто не вспомнил о его заслугах перед трудящимися и не заступился за ува-

жаемого человека, а он ни к кому и не обращался за помощью. Жить ему оставалось четыре года.

Немало своих коллег научил методам диагностики и лечения. Привил чувство гордости профессией врача-целителя — одной из гуманнейших профессий на земле.

Труд Г. А. Прибыткова отмечен многими наградами. С 1922 года центральная амбулатория носила его имя. Она называлась так: «Центральная городская амбулатория имени доктора Прибыткова». В 1925 году Бийский окрисполком присвоил ему звание «Герой труда» и наградил набором хирургических инструментов. Ему была назначена повышенная пенсия. В городе Бийске его именем названа улица, его портрет находится в галерее «Выдающиеся люди Бийска», на здании бывшей центральной городской амбулатории имени доктора Прибыткова установлена мемориальная доска.

Умер Георгий Алексеевич Прибытков 18 октября 1940 года.

III

Не отставала от Георгия Алексеевичав своей профессиональной и просветительской деятельности его жена, верный друг, помощник и единомышленник, Виктория Викторовна Прибыткова. Она не могла смириться с ситуацией полной неграмотности, невежества и даже дикости местного населения. Организует громкие читки книг на предприятиях (где разрешали это делать хозяева), проводит просветительские вечера с использованием волшебного фонаря и картин, организует кружки самодеятельности, театральные, хоры.

В городе не было доступной библиотеки, и Виктория Викторовна решила ее создать. И создала. Она организатор первой публичной библиотеки в городе Бийске. Сейчас это центральная городская библиотека имени В. М. Шукшина.

В докладе «В правление Бийского общества попечения о начальном образовании» в 1916 году писала: «В январе 1900 года я начала работу. В марте открылась бесплатная читальня (при библиотеке), в июне началась выдача книг, а 10 декабря того же года библиотека была официально открыта. После открытия пошли подписчики разных категорий.

...Многие из них не знали, что такое библиотека, не умели обращаться с каталогами, входили в библиотеку несмело, не знали ни имен писателей, ни названий сочинений. Библиотека вынуждена была рекомендовать книги почти всем читателям.

Прошло шестнадцать лет. Многие десятки тысяч читателей прошли через библиотеку и читальню. Многие десятки тысяч книг прочитаны населением, и картина изменилась. В библиотеку входят смело, знают имена писателей, названия сочинений и высказывают определенные требования. С каталогом умеют обращаться даже дети».

Замечу, что основой книжного фонда стали несколько тысяч книг из огромной личной библиотеки Прибытковых. С 1900 по 1919 год Виктория Викторовна была бессменной ее заведующей.

Очень много сделала Виктория Викторовна для пропаганды книги среди детей и беднейших слоев населения: для них был введен так называемый бесплатный разряд. Поначалу она «сама со своими помощниками возила книги в воскресную школу и непременно всем желающим раздавались билеты на бесплатное получение книг. Вообще были использованы все средства, чтобы сделать библиотеку известной и доступной. Таким образом, было положено начало сближения библиотеки с населением».

В работе с начинающими читателями В.В. Прибыткова полагалась на ответственность библиотекарей: «Пристрастится такой читатель к чтению или, прочитавши пять, десять книг, бросит читать, будет зависеть от выбора книг. Даже в таких случаях, когда подписчик опытный читатель просит библиотекаря дать что-нибудь по сво-

ему усмотрению, приходится обдумывать, принять во внимание развитие читателя, расспросить, что читал и какие авторы больше всего нравятся и т.д. и только тогда дать книгу. Так что библиотечная работа предъявляет своим работникам известные нравственные требования и налагает нравственную ответственность».

Виктория Викторовна не просто основатель первой городской публичной библиотеки и ее первая заведующая, еще она создала теоретическую базу для работы не одного поколения библиотекарей, определила нравственные основы их деятельности и заложила лучшие традиции библиотечного обслуживания населения города. Принципы библиотечной работы, разработанные Викторией Викторовной, современны и сегодня.

В. В. Прибыткова — Почетный член Бийского благотворительного общества. Принимала активное участие в работе общества Красного Креста и была награждена медалью в память участия этого общества во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Умерла Виктория Викторовна в 1919 году.

IV

Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы с первых дней прибытия в Бийск озаботились проблемами жизни людей. Везде царила нищета, пьянство, неграмотность, было много неполных семей, множество сирот. В 1888 году они создали Благотворительное общество, цель которого: регулярное оказание помощи беднейшему населению. Им удалось привлечь к работе в Благотворительном обществе состоятельных граждан Бийска. Многие из них почитали за честь быть попечителем общества и жертвовали крупные суммы. Благотворительное общество крепнет и уже имеет собственный дом для приюта (пер. Муромцевский, 2) и большое усадебное место для огородов. Здание приюта для детей-сирот было построено в 1907 году, а сам приют проработал до 1918 года.

Для детей из бедных семей, а также детей, чьи отцы погибли в русско-японской войне, они организуют празднования Рождества и Нового года. Работа большая и кропотливая. Нужно было составить списки таких детей по всему городу. Набиралось до 600 ребят ежегодно. Затем их делили по возрасту на группы, каждому готовились подарки и угощения, концертная программа, украшалась елка. В назначенный день и час они приглашались на праздник, который проходил в доме-приюте для детей-сирот. На первом этаже их встречали, поздравляли с праздником и кормили. На втором этаже, у елки, дети играли и веселились. По окончании все получали подарки. Можно лишь представить, какой заряд душевной теплоты, веры в добрых людей получали эти дети.

Приют Благотворительного общества давал детям не только кров над головой и пропитание, но и трудовые навыки и известное образование. В приют поступали дети в возрасте 3—7 лет, а выпускались в 17—18. Всего, за годы работы, через приют прошло 2207 детей. Все они получали начальное образование, воспитание, трудовые навыки. Мальчики могли работать шорниками, кузнецами, садовниками, столярами. Девочки обучались профессии швеи, повара, вышивальщиц. Способные ребята продолжали обучение в гимназиях и институтах. Были среди их выпускников врачи, учителя, офицеры. А главное, я думаю, то, что из стен приюта выходили честные и трудолюбивые люди. Георгий Алексеевич и, особенно, Виктория Викторовна с головой уходили в любимую работу в Благотворительном обществе и приюте. Не случайно выпускники приюта считали лучшими из людей доктора-гуманиста и его супругу.

Из воспоминания воспитанницы приюта Ксении Павловны Ксенофонтовой:

«Семью доктора Прибыткова знаю с 1902 года. Георгий Алексеевич заведовал больницей, а также бесплатно обслуживал приют, богадельню и монастырь. Он оказывал помощь всему народу этих заведений.

Благотворительное общество по инициативе Прибытковых организовало бесплатную медицинскую помощь, была открыта амбулатория с приемом врачей и бесплатной выдачей медикаментов бедноте. Сам Георгий Алексеевич много лет бесплатно работал в приюте. Были установлены специальные приемные дни посещения детей в приюте, престарелых в богадельне. Он всем оказывал помощь. Доктор Прибытков имел частную практику на дому. Приходили к нему все желающие, весь бедный народ. Всем помогал. Если бедняку не на что было купить лекарств, Георгий Алексеевич выписывал рецепт в Горбунову аптеку, где ставил роспись за его счет. Это был душевный, простой души человек. Часто мы собирались вечерами, и он рассказывал нам о Бийске, о других городах и странах.

Виктория Викторовна заведовала городской библиотекой, участвовала в Благотворительном обществе и вела большую работу в приюте. Учила детей, то есть нас. С ее помощью были созданы кружки рукоделия, вязания, шитья и разных галантерейных изделий. Все реализовывали на содержание детей приюта. Создала общество Красного креста, где следила за семьями солдат и их детьми. Ведь тогда была война с Японией. Помогала им питанием и одеждой. Устраивала праздники «Елка» и другие с бедной детворой. Она отдала себя обществу, очень хочется отметить ее. Она так любила приютских детей и вся была отдана для общества. Я была круглой сиротой, у меня не было ни дяди, ни тети. Может быть, мне поэтому и посчастливилось бывать у этих хороших, душевных людей.

Георгий Алексеевич часто забирал меня к себе, и я неделями жила у них. Помогала разбирать книги в библиотеке, была первой помощницей Виктории Викторовны. Помогала по дому, следила за их костюмами. Я старалась угодить этим людям за их чуткость и доброту. Я была как бы членом их семьи...»

Это лишь некоторые страницы жизни и деятельности двух замечательных людей.

Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы были самыми яркими в истории Бийска конца XIX начала XX вв. личностями, профессионалами своего дела, благотворителями и просветителями.

В написании этой статьи мне помогли воспоминания сына Г. А. Прибыткова Виктора Георгиевича, архив доктора, опубликованные и неопубликованные исследования В. Ф. Гришаева, В. А. Богословского, А. Г. Бошкова, Л. С. Домниковой, К. П. Ксенофонтовой.

V

Виктория Викторовна и Георгий Алексеевич Прибытковы похоронены на Вознесенском кладбище Бийска. Их могилы рядом, хотя прожил Георгий Алексеевич на двадцать лет дольше своей жены. Так получилось, что за захоронениями некому было ухаживать, и они потерялись. Оградки пришли в негодность, деревянные кресты сгнили, непогода сравняла холмики. Все наши усилия по розыску места погребения Прибытковых не принесли успеха, ведь прошло семьдесят лет со дня смерти Георгия Алексеевича и девяносто Виктории Викторовны.

Я обратился за помощью к Виктору Георгиевичу, и в который раз пришлось удивляться его крепкой памяти. Он озвучил, а мы записали путь, по которому можно найти места захоронения. Причем этот маршрут описан с мельчайшими подробностями: подняться на гору, от главной дороги направо сделать 97 шагов, повернуть

налево, увидите большой тополь, на тополе вросшая металлическая пластина, рядом с тополем могила такого-то (назвал фамилию), справа Виктории Викторовны и отца. Мы легко по этому плану нашли нужное место. Все совпало. Только вместо могил мы увидели чуть заметные холмики. Время сделало свое дело.

Сделали свое дело и мы, их потомки. Создали «Мемориальное место захоронения выдающихся людей Бийска Г. А. и В. В. Прибытковых». Привели в порядок могилы, очистили территорию, огородили, установили православный крест и информационную доску. На доске написано, что здесь упокоятся благотворители и просветители: Георгий Алексеевич Прибытков — основатель медицинского дела в Бийске и Виктория Викторовна Прибыткова — создатель городской публичной библиотеки.

Мы помним о вас.

Зоя Алешникова (Краснова)
(г. Калининград)

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАЛЕКОМ И БЛИЗКОМ...

Зоя Васильевна Алешникова (Краснова) родилась в Сталинграде. Члены семьи дважды подвергались политическим репрессиям, в 1995 году реабилитированы (отец, мать и брат — посмертно). В 1953 году окончила Московский технологический институт пищевой промышленности по специальности «инженер-технолог хлебопекарного, кондитерского и макаронного производств». Работала в Рязанской области, в Туле, а с 1965 года в Калининграде: начальником отдела производственных предприятий в облпотребсоюзе, заведующей центральной контрольно-производственной лабораторией в управлении пищевой промышленности, заместителем директора горхлебокомбината № 5. В 1995—2003 годах участвовала в организации хлебопекарного производства на частных предприятиях. В 1995 году добилась изменения Закона о реабилитации жертв политических репрессий в Конституционном суде РФ.

*Памяти моих родителей, братьев и бабушки
Анны посвящается*

*«Издавека долго
Течет река Волга...»*

Слова из песни

Родилась я в 1931 году на Волге, в городе Сталинграде, а жила в Сталинградской области, на селе. Отец мой, Краснов Василий Максимович, по профессии был бухгалтер, а по призванию — музыкант. Он прекрасно играл на многих музыкальных инструментах: в доме были виолончель и концертный рояль. Он был регентом церковного хора, как и его отец, священнослужитель, несколько месяцев не доживший до коллективизации 1930 года. Вместе они сочиняли музыку для религиозных песнопений. Однако мой папа не захотел стать священником, как того хотели его родители, и сбежал из астраханской духовной семинарии.

Семья отца была крепкой, зажиточной. Дом у них был самым красивым в селе Верхний Балыклей. Это в 18 километрах от известного своими арбузами и «золотой пшеницей» села Быковы Хутора, родины известного поэта Михаила Луконина, написавшего в одном из своих стихотворений:

... Быковы Хутора — арбузная столица.

Теперь это село, так же как и Верхний Балыклей, находится на дне Большой Волги. Там же и могилы многих моих родственников.

В Быково мой отец и приглядел себе невесту — первую красавицу, девушку из

большой бедняцкой семьи: отец грузчик на пароходах и баржах, а мать — поденщица. Поженились родители молодыми. Отцу еще не было 18-ти, а маме, Оловянишниковой Акулине Ивановне,— 17-ти. Тогда, в старое время, на селе обычно дело решалось сватовством. Папе хотели сосватать девушку из зажиточной семьи, но мама была до того красивой, что папа, как увидел ее, так ни о ком другом уже и слышать не хотел. На смотрины папа поехал вместе со своим отцом, дедом Максимом. До этого в мамин дом сваты ходили один за другим, но она всем отказывала. Папа был у нее уже одиннадцатым женихом, но он ей понравился сразу. Дед Максим выбор сына одобрил и в своей невестке души не чаял. Правда, поначалу папина мать, бабушка Александра, была недовольна тем, что невеста из бедных. «С лица воду не пить»,— ворчала она. Но со временем все наладилось. Свадьбу сыграли. Венчание состоялось 25 января 1918 года. Этот день для меня особенно дорог, потому что я считаю его днем рождения нашей семьи.

Семья Красновых: Акулина Ивановна, Максим Степанович (сидит), Василий Максимович. 1919 год.

Жили мама и папа в любви и согласии, да вот только дети у них, все мальчики, умирали один за другим — и все от скарлатины. Я у родителей была седьмой, и именем своим я обязана деду Максиму, завещавшему, что, если родится дочь, то назвать ее Зоей, что по-гречески означает «жизнь».

Как уже было сказано, мама вышла замуж совсем молоденькой и поначалу растерялась, когда свекровь, бабушка Александра, стала передавать ей управление домашним хозяйством. Но ее по-отечески поддержал свекор — дед Максим. «Не бойся, Лина,— сказал он,— я тебе помогу». И он терпеливо обучал ее всем домашним премудростям. «Ты, главное, мяса побольше клади»,— говорил дед, когда мама готовила обед. Мяса было вдоволь: жили зажиточно.

Не менее трогательны были взаимоотношения у моего папы с маминной мамой, бабушкой Анной. Ласково обращаясь к ней, папа говорил: «Мамонька, ты ничего не зна-

ешь?» Бабушка тут же отвечала: «Знаю, знаю, Вася. Сейчас вздую...» Это значило, что сейчас она поставит самовар, и будет чаепитие. Они понимали друг друга с полуслова.

Но вот началась коллективизация, грянул 1930 год, и в один момент все рухнуло. Отец моего папы, дед Максим, скорострительно скончался еще осенью 1929 года, но уже тогда предвидел неминуемые события. Перед смертью он сказал: «Вася, отдай все, чтобы тебя потом не мучили!» Папа так и сделал, но мучения все равно не обошли его стороной. Несмотря на то, что отец все свое огромное хозяйство, доставшееся ему по наследству, добровольно передал в колхоз, тем не менее, по решению собрания бедноты и батрачества это хозяйство (а оно было основательное — дом, мельница ветряная, сто гектаров пахотной земли, два с половиной гектара фруктового сада и пр.) было признано «кулацким». Все имущество объявили «конфискованным», в том числе и граммофон, и рояль с виолончелью (видимо, среди членов этого собрания были и меломаны...). Отца, мать, бабушку и моего двухлетнего братишку Виталика признали «социально опасными», «врагами народа». Не было принято во внимание и то, что отец во время Гражданской войны (1920—1922 гг.) служил в Красной Армии — в 239-м Курском стрелковом полку. Его посадили в тюрьму, а вся семья его выслана за пределы района. И это несмотря на то, что такие жесткие меры по указанию верховной власти предназначались только для тех, кто оказывал активное, в том числе и вооруженное, сопротивление! Да уж, действительно, в нашей семье головорез на головорезе, в особенности 72-летняя бабушка и двухлетний Виталик...

Службная книжка красноармейца В. М. Краснова

Мою маму вызывали в ОГПУ и уговаривали развестись с отцом: «Ведь ты же из бедняков. Разведись, и все у тебя будет хорошо!» Когда мама пришла к папе в тюрьму на свидание, он сказал ей о том же: «Разведись со мной, Лина. Все равно, когда вернусь, будем жить вместе». Но мама наотрез отказалась совершить такой поступок, который считала низостью. Не поддавалась на уговоры и не испугалась угроз. Ведь они с папой женились-то по любви...

Через четыре месяца умер «враг народа» — мой брат в возрасте двух лет и четырех месяцев. А затем где-то в Калмыкии умерла и бабушка Александра 72-х лет, тоже «враг народа».

«Враги народа»: моя мама и брат Виталик 2-х лет от роду, 1930 год...

Какое-то время спустя отца из тюрьмы выпустили (наверное, для того, чтобы на свет появилась я), но затем снова посадили «за уклонение от ссылки». Вновь освободили его досрочно в январе 1934 года «за примерное поведение» и в связи с болезнью, приобретенной в заключении. Вернулся отец, потеряв в тюрьме почти все зубы, с туберкулезом легких в тридцать три года. И начались наши скитания по маленьким местечкам и съемным квартирам. Это я уже хорошо помню, хотя мне тогда не было и трех лет. Но память детская — удивительная вещь. Я помню отдельные эпизоды, относящиеся, по словам моей мамы, к 1933 году — году страшного голода.

В 1935 году родился мой брат — Ростислав. В то время мы жили в Западноказахстанской области на станции Джаныбек. Мне было уже четыре года, и я очень хорошо помню всю нашу жизнь там, даже солнечное затмение, случившееся весной 1936 года. В Джаныбеке мы снимали квартиру у своих дальних родственников. Их старшая дочь частенько ходила с тачкой на станцию к проходящему поезду продавать дыни (у них была большая бахча). Она брала меня с собой, сажая сверху на дыни, что мне очень нравилось. Я как могла «рекламировала» товар: «Покупайте дыни, они сладкие, как помадка!» Хотя, что такое помадка, я в свои четыре года и понятия не имела. Один из покупателей неожиданно спросил меня: «А помадка какая?» Я тут же ответила: «Сладкая, как дыня!» Под общий смех дыни быстро раскупили.

Потом недолгое пребывание в городе Камышине, снова на съемной квартире. Там впервые я побывала на общегородской новогодней елке 1937 года, что было в диковинку не только мне одной: их разрешили проводить лишь с 1936 года.

В 1937 году мы оказались на Быковской опытной станции бахчеводства, где отец работал сначала бухгалтером, а затем и главным бухгалтером. На этой станции трудились ученые-селекционеры. Станция выводила новые сорта арбузов, дынь, тыкв и обеспечивала страну элитными семенами. Кстати, она занимается этим и по сей день. Это была не просто селекционная станция. По масштабам своей деятельности это был фактически исследовательский институт. Штат ее включал не только ученых-агрономов различных профилей, но и агрономов-химиков, ученых-энтомологов, инженеров и даже метеоролога. На опытной станции была своя лаборатория, где еще до войны использовали рефрактометры для определения содержания сахара в различных плодах.

Поселок станции был небольшим, но уютным, зеленым, с множеством цветников. Его строили по проекту. Домашний скот держали в отдалении от жилья: был общий скотный двор, и у каждого хозяина имелся свой отсек для животных. Там же, неподалеку, стояли скирды с сеном. А около дома разрешали держать только кур — в цокольном помещении домов. Дома были высокими, с высоким крыльцом. Наше крыльцо я каждый день надраивала до блеска: между нами, девчонками, постоянно шло негласное соревнование, кто чище вымоет. Был клуб и очень хорошая библиотека с редчайшими изданиями великолепно иллюстрированных книг изумительной красоты, которые взять в руки было одно удовольствие. Среди авторов этих книг — Шиллер, Пушкин, Достоевский, Гоголь, Дарвин и многие другие известные писатели, поэты и ученые. По вечерам отец нам читал вслух. При клубе работали драмкружок и хор. В хор ходила моя мама, а отец — в драмкружок. Там ставили «Женитьбу» Гоголя, где папа исполнял роль Яичницы, но в силу своего малолетства я мало тогда чего понимала. Показывали и кинофильмы, но их крутили в немом варианте: не было звукоусилительной установки. Большие праздники справляли всем поселком: пекли пироги, жарили много свежей рыбы, накрывали столы, пели песни, но пьяных я не видела никогда. Для детей устраивали новогодние елки. Было празднично и весело.

1940 год

Летом к нам в гости приезжало много гостей — родственников из Сталинграда и других мест. Очень хорошо помню дядю Васю — Василия Федотовича Краснова, двоюродного брата папы. С густыми кустистыми седыми бровями и добрыми смеющимися глазами. Мы с ним как-то сдружились. Он брал меня с собой, чтобы накопить немного сена, а я сгребала его в копейки. Именно дядя Вася научил меня косить. Однажды мы спугнули перепелку, и он очень сокрушался. Но все обошлось: ни птица, ни птенцы не пострадали. Дядя Вася был машинистом на паровозе и к тому времени уже вышел на пенсию. А в 1942 году его вместе с женой тетей Груней и внучкой Диной фашисты расстреляли, когда обнаружили в погребе собственного дома, где они спасались от обстрела.

До войны в первый класс шли дети с восьми лет. Мне же было только семь, и родители меня не готовили к школе. Но 1 сентября 1938 года мои подружки (а они все были старше меня на два-три года), возвратившись из школы, сразу прибежали ко

мне и стали говорить: «Если ты не пойдешь завтра в школу, то твоего отца посадят». А в то время ожидать можно было всего. Отец сразу же отправился в райцентр, чтобы купить все необходимое для школы. Но портфелей в продаже не было, как и чернил, и чернильниц. Поэтому 2 сентября меня отправили в школу с узелком. И тот страх за отца долго не отпускал меня.

Школа находилась в поселке Учхоз в полутора-двух километрах от нашего поселка. Осенью и весной мы ходили пешком, а зимой нас возили в школу в специальном вагончике на полозьях, который тянула пара волов. Помню, как скрипел снег под полозьями, а возчик покрикивал на волов: «Цоб-цобэ!» Очень хотелось спать, так как вставали затемно.

Училась я очень хорошо. В 1939 году районо решило премировать отличников всех школ поездкой в Сталинград. Мы побывали на экскурсии во многих местах, в том числе и в музее обороны Царицына. Женщина-экскурсовод интересно рассказывала нам о перипетиях героической обороны города от белогвардейских войск. И вдруг она упомянула среди прочих фамилию белого атамана Краснова, непримиримого врага Советской власти. Я готова была провалиться сквозь землю, потому что моя фамилия была тоже Краснова, и мне казалось, что все могли подумать, что я его родственница...

Гораздо позже, уже в 2003 году, когда я в последний раз приезжала в город прощаться с родными местами и Волгой, неожиданно увидела знакомое мне с детских лет красное кирпичное здание. Оказалось, что в нем по-прежнему находится тот самый музей, и он выжил во время жесточайшей Сталинградской битвы и не был разрушен. А совсем рядом находилось то самое трехэтажное здание универмага, в котором капитулировал гитлеровский фельдмаршал Паулюс... Я зашла в музей, походила по залу, рассматривая экспонаты, а потом разговорилась с музейными работницами. Я рассказала им, что была здесь до войны совсем маленькой девчонкой. Мы вместе плакали...

В 1939-м к нам в поселок приехала молодая семья Чумаков — Женечка (вот она-то как раз и была метеорологом) и ее муж, Серж, бухгалтер. У Женечки и Сержа (она просила называть их именно так) было две маленьких девочки — Лиля, которая едва начала ходить, и ползунок Лора. Из любопытства я пришла посмотреть на девочек. Молодые супруги явно не справлялись с домашними делами. Я присела на ступеньки крыльца и увидела, что пол в коридоре очень грязный, а рядом лежал раздавленный помидор. Я потеряла помидором пол, и вдруг сквозь грязь проглянула чистая желтая доска. Тогда я сказала Женечке (и что на меня нашло!): «А моя мама всегда моет пол помидорами!» Женечка тут же снарядила Сержа за помидорами в ларек, который был рядом. Там всегда можно было купить и помидоры, и арбузы, и дыни. И все за сущие копейки.

Чтобы поблагодарить за такой «чудесный» способ мытья полов, Женечка пошла к маме. Та удивилась:

— Бог с вами, Женечка! Ничего подобного в жизни я не делала!

Обман раскрылся. Однако, поскольку намерения мои были самые добрые, меня никто не ругал, и все смеялись долго и от души.

На опытной станции засеивалось много новых видов арбузов, дынь, тыкв. Обработке бахчей уделялось самое серьезное внимание. Это была не только высокая агрономия, это была музыка земледелия! Я была совсем еще несмышленной девчонкой, но меня культура земледелия приводила в неопишуемый восторг и трепет. Нас, детей,

привлекали к полевым работам: мы обрабатывали бахчевые культуры, в основном арбузы. Какие же они были красивые — с серебристо-голубыми листьями! Вот они зацветают желтыми цветами, наливаются соком и растут, растут... И каждый сорт — по-особому. Самым первым созревал «Победитель», затем шли более солидные — «Красавчик», «Мурашка», «Мелитопольский-142 и 143» и многие другие. Дыни сорта «Колхозница» — это тоже рукотворные плоды ученых-селекционеров. И не только. Еще были дыня «Зимовка с яблочными семенами», тыква «Серая волжская», килограммов на 20—30, а то и более...

Между прочим, большими «ценителями» спелых арбузов были волки. Приходя на бахчу, нередко можно было увидеть выеденные ими плоды: серые разбойники с удовольствием лакомились арбузным соком, почему-то отдавая предпочтение сорту «Мурашка». Причем выбирали они только самые спелые арбузы!

Чтобы получить семена арбузов, был построен специальный заводик, очень простой по замыслу, но с большим экономическим эффектом. Мы его называли медоваркой. Там арбузы, разрубленные ножами-тесаками на специально вращающихся кулачках в виде торпеды с ребрами (из нержавеющей металлического сплава) очищались от мякоти, калгушки (корки) сбрасывались в отсек, а мякоть сливалась самоотеком на специальные сита. Там семена пустые отделялись от полноценных, сок, пройдя через несколько сит, стекал в специальные емкости, а отжатая мякоть шла по своему каналу. Из сока варился замечательный мед. Для этой цели строились временные печи (горны) с отверстиями для медных тазов, в которых производилось уваривание сока до определенной кондиции. Он густел, приобретал светло-коричневую окраску, и готовность его определяли так же, как варенье — по капле. Готовый мед сливали в деревянные кадки, которые плотно укупоривали. Большая часть сваренного меда куда-то отправлялась: он пользовался спросом. Но немалая часть его оставалась для внутреннего потребления. Для сотрудников он стоил очень дешево. Я этот мед любила больше, чем пчелиный. С ним мы ели домашнюю ряженку (видимо, прототип йогурта, только вкуснее и полезнее, так как в нем было много фруктозы). К сожалению, когда я навещала поселок в 2003 году, медоварки уже не было. В нынешнем Российском государстве как-то больше принято не создавать, а разрушать созданное.

Медоварка, 1940 год

Об арбузе «Мелитопольский-143» стоит упомянуть отдельно. Это очень крупный и сладкий арбуз с толстой коркой, с высокой надежностью транспортировки. Когда его впервые собрали с опытных делянок, то для сбора семян его развезли только по тем семьям, где гарантировали сбор семян. Нам привезли 200 кг, а было их всего 16 арбузов — красавцев-великанов.

Очень хорошо помню, как в 1938 году работавших на опытной станции ученых арестовали, объявив «врагами народа». Их под конвоем провезли по центральной улице поселка. Многие из них сгинули безвестно, такие как Певнев (имя и отчество, к сожалению, не помню) и его жена. Некоторые потом, уже после войны, вернулись.

Итак, мы живем на опытной станции. Отец кашляет и гнется. Вовсю бушует туберкулез. Папа уже инвалид. У нас хорошая семья, небольшое хозяйство, которое ведет мама — домашняя хозяйка. Помогает ей моя бабушка Анна — певунья и неутомимая труженица.

Руки бабушки Анны никогда не бывали праздными. Она вечно что-то вязала спицами и крючком. Этому она обучила и меня. Всю одежду она шила себе сама «на руках», как тогда говорили. Швейной машинки не было. Во время работы она всегда что-то напевала вполголоса своим красивым альтом. Я очень любила бабушку — «бабаньку», так у нас называют бабушек. И особенно я любила, когда она прижимала меня к своей теплой мягкой груди. В эти минуты я растворялась в ее нежности и была счастлива. От этого счастья хотелось плакать.

Бабушка владела уникальной профессией. Она была укладчицей арбузов — одной из лучших в округе. Это сейчас к арбузам потеряли всякое уважение: бросают в фуры и машины, словно камни, как попало. В результате люди теперь даже не знают, каким должен быть арбуз — *настоящий арбуз!* А тогда арбузы укладывали в специальные штабеля, бережно доставляли покупателям такими, какими их скатывали на бахчах. Бабушка владела этим искусством в совершенстве. Я помню, как за ней приходили в сезон отгрузки (1937—1938 гг.), и как у нее после этого болели руки. Ведь отгружали только крупные плоды — весом не менее полупуда!

Бабушка была неграмотной. Умела писать только одну букву «А». Но когда я уехала в Москву учиться, то писала домой два письма — одно маме, второе — бабушке. У меня была потребность поговорить с ней.

Бабушка Анна с одной из внучек, 1930 год...

Моя бабанька родила 11 детей, из которых выжило только трое: мама (старшая), сын — дядя Коля и младшая дочь Зинаида. Остальные умирали в возрасте 8—10 лет. Был у нее приемный сын Саня. Оба ее сына в 1942 году погибли на фронте. Ей положили пенсию в 42 рубля, а вот паек, состоявший из трех килограммов ячменной муки, как оказалось, ей не полагался.

К июню 1941 года я закончила три класса начальной школы круглой отличницей.

В то время папа лелеял мечту купить домик в Красной Слободе на берегу Волги. Это очень живописное место, к тому же расположенное прямо напротив Сталинграда: папа мечтал, чтобы я училась в музыкальной школе. Со Сталинградом у Красной Слободы было хорошее транспортное сообщение: часто ходили маленькие пароходики, которые в просторечии называли «трамвайчиками».

Начались каникулы, и я после завтрака отправилась по своим девчоночьим делам к подружкам. Мы всегда во что-нибудь играли — классики, догонялки, но особенно любили играть в мяч. Его били о стенку, и пока он возвращался, надо было успеть проделать определенные фигуры. Это развивало ловкость. Много играли в лапту. Как только стает снег, сразу набирали команду. Вернее, это делали более взрослые дети — лет 15—16. Но меня в команду брали всегда: я хорошо била лаптой, быстро бегала и хорошо ловила мяч. И вообще я была здоровее и рослее своих подружек, даже тех, что были старше меня по возрасту. Это хорошо видно по сохранившейся фотографии 1939 года... Потом были уж совсем детские игры: «ваша зелень», «замри» и т.п...

1939 год

День, когда объявили войну, был воскресным. Я уже набегалась и, возвратившись домой, сразу поняла, что что-то случилось. Оказалось, что началась война...

Война, которая перевернула жизнь всей страны и нашей семьи тоже... В полной мере я еще не осознавала, что это такое, но сразу почему-то стало холодно.

Потом по радио прозвучала речь Молотова: у нас была «тарелка». Взрослые волновались и плакали. А мы с девчонками вечером смотрели на заходящее солнце, зная, что война там, на западе. И нам казалось, что ветер доносит до нас запах крови.

Мы никак не могли найти способ выразить свой протест против войны, и потом решили написать стихотворение. Детское, неумелое, но искреннее:

*Гитлер кровожадный
Рыщет по странам.
Ищет он все прибыль
Своим богачам.*

Впоследствии в полной мере трагизм того страшного дня и горя, постигшего наш Народ, отразил в своих стихах замечательный советский поэт Константин Симонов:

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.*

Вскоре появились первые беженцы. Помню пожилую женщину из Одессы, которая очень плакала и приговаривала: «Ах, Одесса, Одесса...»

Так рушилась вся устоявшаяся жизнь...

В 1942 году погибает на фронте брат мамы Николай, и бабушка Анна уезжает к его осиротевшим детям, которых было трое. А фронт уже приближается к Волге. Начались бои под Сталинградом. По ночам над нами летают вражеские самолеты. Рядом с нашим поселком, прямо за садом, расположился советский прифронтный аэродром. До Сталинграда 120 километров. Слышны артиллерийские разрывы. Мы припадали ухом к земле и слушали, как она гудит. На Волге фашисты бомбят пароходы с ранеными и нефтеналивные баржи. Как страшно видеть зарево взрывов, горящую воду! Над Волгой стелился черный дым, который был виден даже из нашего поселка...

В Учхоз привезли какой-то эвакуированный детский дом. Ребята в нем были напуганные и драчливые. В школе появилась чесотка.

Не без помощи «добрых людей» маму призвали на трудовой фронт — рыть окопы под Сталинградом... Работали на рытье окопов под дождем и снегом. Обсушиться было негде... Мама пробыла там около двух месяцев, а потом командир их отделения, узнав, что у мамы дома осталось двое детей и тяжелобольной муж, в конце концов, потихоньку сказал ей: «Пробирайся домой. А то пропадешь...»

В тот день я занималась обычными домашними делами. Пошла надергать бурьян. Мы им топили печь-голландку, а для отопления русской печки использовали еще и кизяки. Покончив с делами, я возвратилась домой и не поверила своим глазам, когда увидела, что за столом сидит мама. Она к моему возвращению уже помыслась. На ней была белая кофта, которая ей необыкновенно шла. Мама была очень худой и... очень

красивой!.. Я бросилась к ней и плакала от счастья, что мама вновь с нами. Этот день запомнился мне как один из самых счастливых в моей жизни.

Потом через наш поселок в казахские степи перегоняли скот с оставленных территорий... Скот, в основном, был элитный. Изнурительные переходы и недостаток корма стали причиной большого падежа. Этим пользовались всякого рода «дельцы» из местного руководства. Они завышали процент падежа и под этим предлогом присваивали себе то, что принадлежало Советскому государству. Будучи главным бухгалтером опытной станции, отец не мог не знать об этих «проделках» и, чтобы помешать воровству, написал в районную газету «Большевикское слово» статью «Дела на опытной станции». Мне не известно, была ли опубликована эта статья, но только в начале мая 1942 года из редакции пришел ответ, в котором отца благодарили за информацию и просили писать еще. Это письмо хранилось в архивах отца.

После этого на опытной станции немедленно начали приниматься меры. К моему отцу. Началась травля смертельно больного человека. Папа был инвалидом второй группы, что документально подтверждено справкой районного отдела здравоохранения от 15 мая 1942 года. В ней, между прочим, в соответствии с законом для него была установлена продолжительность рабочего дня не более пяти часов:

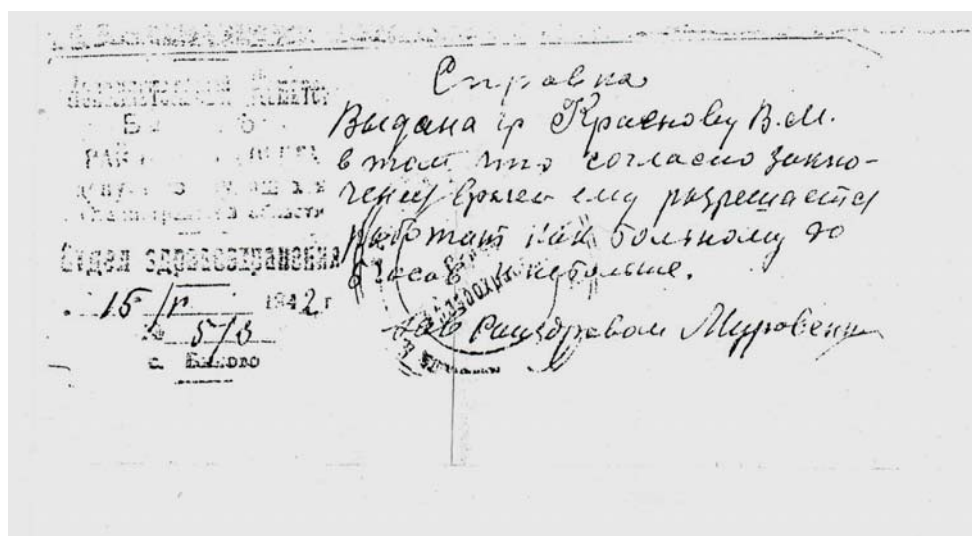
«Быковский районный отдел здравоохранения.

15/V 1942 г. №5/б

Справка

Выдана гр. Краснову В. М. в том, что согласно заключению врача ему разрешается работать, как больному, до 5 часов и не больше.

ППЗ Зав. райздравотделом Мур[а]вина»

Медицинская справка папы

Аналогичные справки выдавались отцу также и Камышинской окружной врачебно-экспертной комиссией в 1939, 1940 и 20 мая 1942 года. В последнем случае — через пять дней после заключения районной комиссии!

Однако, несмотря на это, директор опытной станции Лебедев своим приказом № 46 от 25 мая 1942 года *отменил (!!!)* установленную для отца продолжительность рабочего дня и потребовал работать все восемь. Если отец уходил домой, отработав

пять часов, на оставшиеся три часа директор каждый раз требовал медицинскую справку. 1 июня отец допустил опоздание на работу на четыре минуты, что, видимо, и переполнило «чашу терпения». 3 июня 1942 года Лебедев издал приказ № 49, который гласил:

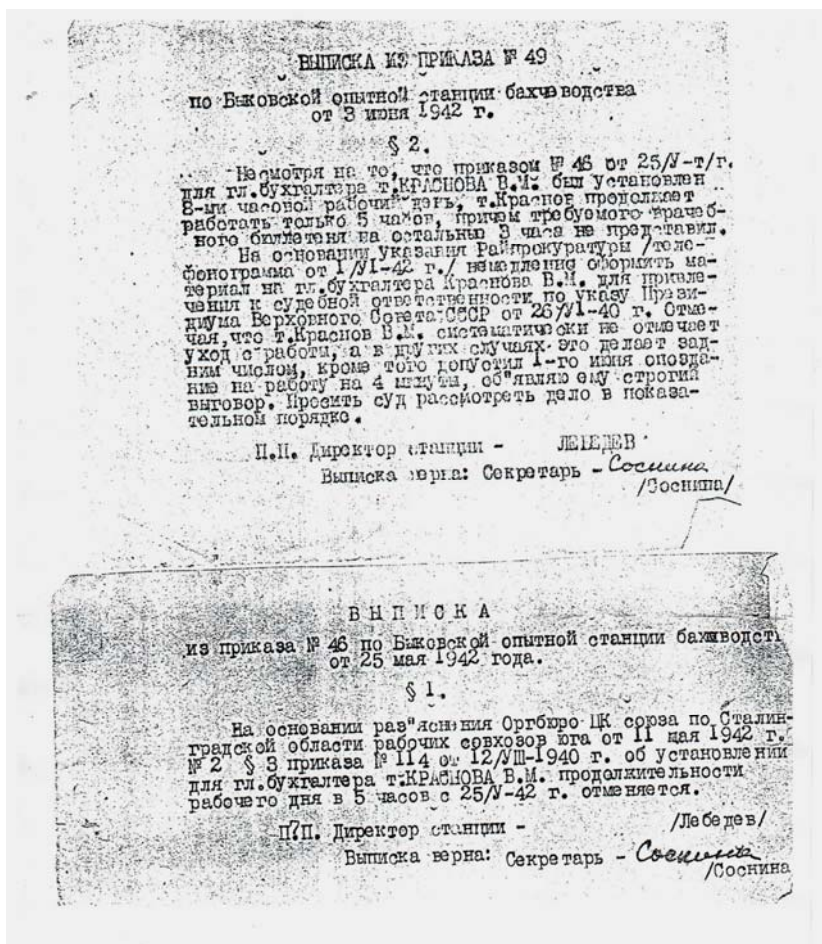
«§2

Несмотря на то, что приказом № 46 от 25/V — т.г. для гл. бухгалтера т. Краснова был установлен 8-часовой рабочий день, т. Краснов продолжал работать только 5 часов, причем требуемого врачебного бюллетеня на остальные 3 часа не представлял.

На основании указания райпрокуратуры /телефонограмма от 1/6-1942 г./ немедленно оформить материал на гл. бухгалтера Краснова В. М. для привлечения к судебной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-40 г. Отмечая, что т. Краснов систематически не отмечает уход с работы, а в других случаях это делает задним числом, кроме того допустил 1-го июня опоздание на работу на 4 минуты, объявляю ему выговор. Просить суд рассмотреть дело в показательном порядке.

Директор станции — Лебедев. Выписка верна:

Секретарь Соснина»

Приказы директора Лебедева...

Все эти и другие приводимые здесь документы я нашла в архиве отца почти через полвека после его смерти.

Несмотря на то, что папа был отличным работником, подстрекаемые директором опытной станции Лебедевым местные органы воспользовались случаем и надавили на папино «кулацкое прошлое».

Август 1942 года. Стоит страшная жара. 1 августа папу вызвали в райцентр. Помню, как он вернулся оттуда чернее ночи и сказал маме:

— Нас ссылают. Собери вещи.

На следующий день подошла грузовая машина с вооруженной охраной. Погрузили наши пожитки — 200 кг на четверых, и нас повезли неизвестно куда. Помню, как я кричала и не хотела ехать, вцепившись намертво в спинку своей кровати... Я уже понимала, что у меня навсегда отнимают мой мир, который мне дорог, что дома у нас больше нет и не будет. На столе остались крынки с молоком (мама утром в последний раз подоила корову), на улице кудахтали встревоженные куры. Вокруг дома стояли ничего не понимающие люди — наши соседи...

И только сравнительно недавно, в 90-х годах, я узнала, на основании каких государственных актов происходило и это выселение, и раскулачивание. Ко мне в руки попал «Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий», изданный Верховным Советом Российской Федерации в 1993 году. Появление этих документов произошло после снятия грифа секретности с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека (Указ Президента РФ № 658 от 23 июня 1992 года). Читать эти документы и сейчас страшно, а каково было людям, к которым применялось это беззаконие и которые прошли все круги ада, заплатив жизнью и кровью за это массовое государственное преступление! Так называемое раскулачивание производилось на основании Приказа Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) №44/21 от 2 февраля 1930 года по разнарядке. Так, по Нижневолжскому краю этой репрессии должны были подвергнуться 10-12 тысяч семейств. В эту разнарядку попал и мой отец со всей семьей. Поразительно, с какой скоростью исполнялся этот приказ: уже 9 февраля 1930 года, то есть *через неделю(!!!)* после его издания, произведено раскулачивание отца с семьей на основании решения собрания бедноты и батрачества!

А выселение нашей семьи в 1942 году происходило в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года (день начала войны!). Пункт 3 его гласил: «... Выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении или из отдельных ее пунктов, лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой...» Вот мы и попали под эту статью — «социально опасные»: смертельно больной туберкулезом легких отец (он уже кашлял кровью), мы с братом — 11 и 7 лет от роду и наша мать. Конечно, в то время, вероятно, мы представляли серьезную «угрозу безопасности и обороноспособности» страны!..

Как впоследствии оказалось, власти на местах «перестарались». Согласно директиве НКВД и НКГБ от 4 июля 1941 года, *нетрудоспособные мужчины выселению не подлежали, а о детях речь вообще не шла!*

И вот 2 августа 1942 года мы тронулись по этапу в долгий путь. Для отца он оказался последним. Ночью нас привезли в село Кислово напротив города Камышина, где расположились, кто как мог, на ночлег. А рано утром всех нас погрузили на паром и стали переправлять на правый берег Волги — в Камышин.

Народу на пароме было много. Свезли со всего района стариков, больных, детей. Было тихое и солнечное утро. И вдруг над паромом появился немецкий самолет, который шел на бреющем полете. Я отчетливо видела кресты с белой обводкой на зеленых крыльях и пилота в кабине. Он высовывался из кабины и через свои защитные очки с удивлением разглядывал нас. Видимо, его озадачила переправа мирных жителей на *правый* берег, в то время как все старались с правого берега переправиться на *левый*: фронт был близко! Облетев паром несколько раз, самолет удалился, не сделав ни одного выстрела. Немецкий летчик пощадил нас...

Нас переправили и сгрузили на солнцепеке. Песок на берегу был горячим. Все съестные припасы, которые мы взяли в дорогу, испортились. А вечером была бомбежка, и нам приказали укрываться в траншеях, наспех вырытых в овраге у реки Камышинка.

На следующий день к вечеру нас погрузили в товарные (телячьи) вагоны и всю ночь перегоняли по путям железнодорожной станции «Камышин»: город бомбили.

В ночь следующего дня мы, наконец, тронулись в путь. Куда? Никто не знал. В вагонах кое-как сколотили нары. На семью полагались одни. Нам досталось место внизу, так как отец не поднимался. На тормозных площадках стояли часовые НКВД с винтовками. До сих пор помню их команду: «*По-о-о ваго-о-онам!*» Поезд изредка останавливался, так как людям необходимо было и нужду справить. Как-то попали под бомбежку, но Бог миловал.

И вот мы переправились через Сызранский мост на левый берег Волги. Поезд шел на восток, а навстречу нам шли эшелоны на запад — на фронт. Бойцы, оружие, танки. Где-то в Башкирии уже не было светомаскировки. На остановке можно было что-то купить из еды. Помню, там продавали очень вкусное сливочное масло на капустных листах. Потом проезжали Южный Урал, который покорило мое сердце величавой и суровой красотой. Я же выросла в Заволжской степи, где ковыль, бурьян, катун-трава и вместо леса — полосы лесопосадок.

Затем был Челябинск, Петропавловск (это уже Северный Казахстан). Там нас отправили в баню, а вещи — в санпропускник. В Петропавловске на вагонах появилась надпись мелом «Караганда», а на трех последних — «Кокчетав». Мы были в числе тех трех.

Мы в Кокчетаве. Наши вагоны отогнали в тупик и высадили в чистом поле. Там мы провели несколько дней. По ночам уже были заморозки. Холодно. Жгли костры. Где-то надо было и помыться, но оказалось, что кругом солончак: вода в озерах соленая.

Потом мы оказались на каком-то конном дворе в огромном ангаре, где стояли телеги и арбы. Вот там, под ними, мы и ютились около недели. Днем мы с мамой ходили на базар. Там продавали очень вкусные соленые грузди. Но население встретило нас весьма неприветливо.

Дальше нас погрузили на машины и отвезли за 120 километров от Кокчетав в какой-то мясосовхоз. Жили в землянках барачного типа по несколько семей. На нас четверых полагался один топчан. До нас туда уже приехали сосланные немцы Поволжья (Неповолжья, как это называлось). Большим дефицитом была соль. Одна маленькая больная девочка лет семи все время плакала и просила соли. И даже хлеб в пекарне пекли без соли. Маму сразу же определили работать на зерноток. Туда же направили и нас с братом — рубить чурочки для зерносушки. Командовала детворой очень добрая и уже немолодая немка. Она жалела нас. Брату было всего семь лет, но и он рубил чурочки. А однажды топорик соскочил, и он отрубил себе часть пальца.

Невдалеке от места, где была наша землянка, стояли три юрты казахских чабанов. Туда мы с мамой ходили, чтобы в обмен на какие-то вещи (в основном, рубашки отца) брать молоко-обрат, из которого мама готовила простоквашу и творог. Этим мы и питались. В землянке отец задыхался, поэтому спали мы на улице. Утром просыпались, все подернутые инеем.

Вероятно, наша семья была обузой для руководства совхоза и местного НКВД, поэтому неожиданно в ноябре нас без конвоя этапировали в Западную Сибирь — в Алтайский край, под Барнаул. Туда мы ехали, что называется, на перекладных почти месяц.

Приехав на конечную станцию Барнаул, в течение пяти дней мы не могли найти, на чем уехать к месту нашей ссылки — село Лебяжье, в 12-ти километрах от Барнаула. Отца с Ростиком оставляли ночевать в комнате матери и ребенка, а мы с мамой каждый вечер ходили в близлежащий поселок за линией железной дороги проситься на ночлег. Это было унижительно и утомительно настолько, что заходя в дом, я просто падала на пол и засыпала. Сейчас я все это перебираю в памяти, и на ум приходят емкие строчки Михаила Исаковского, точно передающие те наши страдания:

*Подходит ночь. Становится темно.
И нет старухе на земле приюта.*

Наконец, мама наняла каких-то двух мужичков с тощими лошаденками, и мы, погрузив свой нехитрый скарб, двинулись к вечеру. Дорога была трудная, поскольку под ногами сплошной песок. Колеса увязали в нем по ступицу. Бедные лошадки выбивались из сил, хотя телеги были легкими. Мы с мамой, так же как и возницы, шли пешком, а папа с братом сидели на телеге. Не выдержав, измученный Ростик, которому и было-то всего семь лет, внезапно спрыгнул с телеги и с рыданиями бросился, куда глаза глядят. Он забежал в сосновый бор, обессиленный, упал там, на землю и горько рыдал. Мы с мамой долго его успокаивали и уговаривали. Он никак не мог понять, зачем и куда мы едем, если у нас там, на Волге, остался дом, где всем нам было так хорошо...

Доехали мы 22 ноября 1942 года. Было воскресенье. В одном из поселков, неподалеку от села Лебяжье, нам дали отдельную комнату. В поселке было еще немало ссыльных и среди них много поляков.

Нашим новым местом жительства стал поселок опытной станции овощеводства НИИОХ*. Директор опытной станции Мария Федоровна Куликова старалась привлечь нас, детей, к легкому труду: сбору ягод смородины, клубники и малины. Все это шло в военные госпитали — раненым солдатам и офицерам Красной Армии.

С благодарностью вспоминаю учителей Лебяжинской неполной средней школы. Они нам давали прочные знания по всем предметам. Запомнилась мне учительница немецкого языка — Анастасия Васильевна Данилова, молодая красивая женщина, местная уроженка. У нее были живые черные глаза, черные брови и черные волосы, но по причине какой-то тяжелой болезни ей постоянно приходилось их коротко стричь и повязывать голову белой косынкой. Она умела построить урок так, чтобы всем было интересно. Играли в рифмы и сочиняли стихи по-немецки. Анастасия Васильевна давала первую строчку, а ученики должны были сочинить вторую строчку стишка. Например, она начинала:

---

* НИИОХ — научно-исследовательский институт овощного хозяйства.

Keine Wiese ohne Grab...
(Какой же луг без травы?)

А мы добавляли в рифму:

Keine Fenster ohne Glas.
(Какое же окно без стекла?)

Кроме того, она заставляла нас учить много стихотворений и слова. Все это мне очень пригодилось впоследствии. К сожалению, после того как мы окончили седьмой класс, Анастасия Васильевна вскоре умерла...

Еще у нас был чудаковатый военрук, демобилизованный по ранению контуженый фронтовик. Он учил нас строевому шагу, мы изучали устройство винтовки, пулемета, гранат. А еще военрук организовывал нас, детей, на суточные караульные дежурства в кабинете военного дела. Почему-то никто из учителей и педагогического руководства на такое чудачество внимания не обращал. Не возмущались и родители. Все, кроме моего отца.

— Как же это так? — недоумевал он. — Как можно детей ночью заставлять нести караул?

Меня же это ничуть не смущало, и я в свои неполные 12 лет с гордостью отвечала отцу:

— Я — начальник караула!

Отец так и не поднялся. У него открылось горловое кровотечение. Когда я шла домой из школы, то никогда не знала, застану ли папу живым. Я шла и считала телеграфные столбы: «Живой... Неживой... Живой... Неживой...»

5 июня, в субботу, папа попросил маму поставить самовар, и мы всей семьей в последний раз пили чай. Я всхлипывала, потому что только что пришла с консультации к экзамену по арифметике, на которой учитель сказал мне, что я неправильно решила задачу. Папа предложил мне показать ему эту задачу и то, как я ее решила. А потом он погладил меня по голове и ласково сказал:

— Дурочка ты моя! Ты все правильно решила, а учитель просто пошутил...

А на следующее утро, 6 июня 1943 года, его не стало. Ему только-только исполнилось 43 года. Смерть отца настолько потрясла меня... Он ведь умер у меня на руках...

Было раннее утро. За окном цвела сирень, и было видно Лебяжье озеро. Мама готовила завтрак на печке-временке — на дворе, под окном, а я должна была оставаться с папой, обмахивать его газетой, потому что он задыхался. Брат еще спал. Внезапно отец попросил позвать маму. Разбудили брата, и все стояли около кровати, на которой, откинувшись на подушку, сидел умирающий отец. Он попрощался с нами, посмотрев каждому из нас в глаза и каждому сказав одно слово: «Все...» И в это время я увидела, как из его глаз исходят какие-то ярко-белые с нежной желтизной, направленные, пронзающие каждого из нас, неземные лучи. Это уходила из него жизнь... Так он и умер, сидя на кровати, откинувшись на подушку.

Как же горько ему было уходить из жизни с сознанием того, что всю его жизнь и судьбу сломала чужая злая воля и что приходится ему покидать нас на чужбине без средств к существованию, оставляя в наследство несмываемое пятно «врагов народа»...

После того, как он испустил последний вздох, я страшно закричала и выбежала в коридор. Обняв столб, на котором держалась лестница, ведущая на второй этаж, я кричала и бессмысленно кружилась вокруг этого столба, пока не потеряла сознание...

На следующий день отца хоронили. Накрапывал мелкий дождик. Мы с девочками набрали много красивых полевых цветов и украсили гроб папы. Похоронили его в сосновом бору, недалеко от той школы, где я училась...

Смерть папы настолько меня потрясла, что я не ощущала солнечного света и тепла. Мне постоянно было холодно, бил озноб, и я все лето куталась в зимнее пальто. Таким было мое потрясение... С момента нашей высылки с Волги и до кончины отца не прошло и года...

Мы, осиротевшие дети, «враги народа», остались с мамой на чужой стороне. Надо было думать, как и чем жить дальше... Но люди, в основном эвакуированные из Москвы научные сотрудники института овощного хозяйства, не оставили нас.

В октябре я заболела брюшным тифом и была на краю могилы. Поскольку брюшной тиф заболевание инфекционное, меня должны были отправить в Барнаул, в больницу, но добрые люди, наши соседи, среди которых было много эвакуированных ученых, убедили маму этого не делать, так как там меня ожидала неминуемая смерть. «Мы будем вам помогать»,— сказали они. И действительно помогли, делясь всем, чем только можно. Они спасли меня. Среди них был выдающийся ученый-агроном с мировым именем Александр Георгиевич Лорх, который вывел знаменитый сорт картофеля «Лорх». В то время он тяжело болел: у него был гнойный плеврит, и к нему из Барнаула привозили врача. Этот врач по просьбе А. Г. Лорха навещал моего умиравшего отца. А жена А. Г. Лорха, Евгения Ивановна, приносила мне какие-то продукты из своего спецпайка, когда я металась в тифу.

Александр Георгиевич Лорх, советский селекционер, доктор сельскохозяйственных наук

Оправилась я после болезни только в канун 1944 года. Я тогда училась уже в шестом классе.

Вспоминается мне курьезный случай из того времени. С 1 января 1944 года в Советском Союзе начал исполняться новый государственный гимн. Его слова начали разучивать в общеобразовательных школах. Но по какому-то странному стечению обстоятельств Лебяжинская школа нигде не смогла раздобыть его текст на русском языке. Зато кто-то принес текст почему-то на белорусском. Где Алтайский край и где Белоруссия! Однако до сих пор помню начальные слова гимна на белорусском языке (орфография по памяти):

*Саюз непарушны́ рэспублік свабодных
З’яднала навекі Вялікая Русь...*

Летом следующего года мы с братом много работали на выделенном нам участке земли. Пололи и окучивали картошку, сеяли подсолнухи. От голода нас спасали картошка, горох и фасоль, которые мы выращивали на огороде. Ходили и в лес по ягоды.

Вся уборка квартиры была на мне, поскольку мама много и тяжело работала в столовой. Формально она числилась заведующей, но их, работниц, было только две на всю столовую, и им приходилось работать и поварами, и истопниками, и подсобными рабочими, и уборщицами.

...Как поется в песне:

*Война нас гнула и косила.
Пришел конец и ей самой.*

Наступил 1945 год — год Победы. Весть о ней мгновенно долетела и до Алтая. Радости не было предела. Военрук собрал нас возле школы, и мы шли строем по главной улице Лебяжьего, громко распевая песню «Священная война» с несколько измененным текстом:

*Прошла война народная,
Священная война!*

Летом, после окончания семилетки, мы с девчонками собрались съездить в Барнаул, чтобы купить книг и поесть мороженого. В Барнаул мы добирались поездом от 18-го разъезда. Приехав в город, мы решили еще и сходить в кино. Показывали фильм-комедию «Тетка Чарлея», кажется, американский. Перед фильмом демонстрировался киножурнал. В нем был сюжет под названием «Майданек» о гитлеровском лагере смерти. На экране происходило страшное. Огромные горы сваленных мертвых тел, в том числе и детей. Показали и печи, в которых заживо сжигали узников. А прямо за оградой лагеря находились капустные поля, удобренные человеческим пеплом. Листья капусты были необыкновенно жирными. Увидев это, мы не могли сдерживать рыданий, и нам уже было не до веселого фильма. Мы вернулись домой, будто с похорон близких родственников...

Многие эвакуированные стали возвращаться в Москву. Остались только местные жители и те, кто по разным причинам не мог этого сделать. Среди них были и мы, потому что мы были ссыльными и вернуться домой не имели права.

Помогла нам возвратиться на родную Волгу тетя Маша — папина сестра Мария Максимовна Акимова. Всю Сталинградскую битву она с дочерью и племянниками находилась в городе, неподалеку от Сталинградского тракторного завода. Их поселок был полностью разбит фашистскими снарядами и взрывами бомб. На всей улице Краснодарской, где жила тетя Маша, остался только ее домик, израненный осколками и пулями, как старый ветеран.

Мария Максимовна Акимова (справа) и ее внучка Таисия, апрель 1945 года, Австрия

Когда Сталинградская битва победно завершилась, и Паулюс со своей армией капитулировал, вышедшее из укрытий население стало искать возможность, чтобы выжить. Вот и тетя Маша вместе с дочерью Таисией, сыном дочери Валентином (ему было восемь лет) и старшей внучкой — тоже Таисией — пошли работать в санитарный поезд и с ним дошли до Австрии, где их и застало окончание войны.

Таким был мой папа в 1917 году, 17-ти лет от роду...

Таким он стал в 1937 году после двух безвинных отсидок в тюрьме, смертельно больной туберкулезом...

Тетя Маша, будучи фронтовичкой и имея боевые награды, смогла выхлопотать нам разрешение вернуться из ссылки. Она еще не знала, что отец умер.

Перед отъездом мы в последний раз пришли на все еще свежую могилу папы... С тяжелым чувством я навсегда расставалась с ним. Его светлая любовь, доброта и тепло оставили в моей душе глубочайший след и неизменно саднящую рану на всю оставшуюся жизнь. В самые трудные ее моменты, когда я падала без сил от голода, я мысленно разговаривала с отцом и обещала ему: «Я выживу!.. Я выживу и все равно буду учиться, как ты того хотел!..»

Прощание с могилой папы... Лебяжье, сентябрь 1945 года.

Когда мы отправились в обратный путь домой, то ехали сначала поездом из Барнаула до Новосибирска, где должны были пересесть на поезд до Куйбышева. С питанием было плохо. В дорогу брали, кто что мог и только то, что не портилось. Вагон был переполнен. Мы с мамой и братом теснились на второй полке. Среди пассажиров была женщина, у которой тоже было двое детей, и они с мамой, как могли, менялись продуктами. На одной из станций в нашем вагоне появился демобилизованный солдат. Это был довольно разбитный парень, который всем предлагал купить у него американскую тушенку, полученную им в солдатском пайке. У пассажирок разгорелись глаза. Все хотели купить эту тушенку, чтобы накормить детей. Внимательно рассмотрев одну из банок, я обратила внимание на слово, написанное крупными латинскими буквами — по-немецки: “*Kohl*”! Консервы были вовсе не американские, а трофейные немецкие! Я знала, что означает слово “*Kohl*”, и сказала парню:

— Что ж ты вместо мяса предлагаешь капусту?

Он вытаращил глаза, начал было спорить, но я предложила ему вскрыть одну из

банок. Парня, как ветром сдуло, а женщины бросились меня благодарить за то, что я спасла их от проходимца. Так неожиданно пригодились мне знание немецкого языка.

И вот мы вернулись туда, откуда нас выслали — в поселок БОС (Быковкой опытной станции). Но никто нас там не ждал. И тут начались наши мучения по второму кругу, благодаря все тому же директору Лебедеву.

Довершением ко всему была засуха, разразившаяся в 1946 году. Уже в июне листья на деревьях свернулись в трубочки и гремели при порывах ветра. Все бахчи были занесены песком, который ветер пригнал из Казахстана. Это несчастье привело к страшному голоду 1947 года. У нас не было ничего: хлеба «врагам народа» не полагалось. На четверых (с нами еще была наша бабушка Анна) нам на месяц давали 3 килограмма ячменной муки. Это — 100 граммов в день на всех! А между тем корова и прочая наша живность, признанные «бесхозными», находились рядом, в подсобном хозяйстве опытной станции, но нам их не возвращали.

Мой брат с опухшим от голода лицом величиною с решето по страшной жаре ходил в степь ставить капканы на сусликов. Потом он снимал с них шкурки (за них давали какие-то копейки). Бабушка разделявала сусликов и тушила их со всякими специями. Пахло вкусно. Все ели, а я не могла, хотя знала, что суслик — чистый грызун и питается только зерном.

Так получилось, что я познакомилась с ученым-энтомологом Шворневой Анной Михайловной, высокой, статной, красивой женщиной с черными глазами и бровями, тогда уже одинокой. Она хорошо пела. Иногда по вечерам мы пели с ней вместе. В молодости за голос, как она рассказывала, ее называли «соловушкой». Я присматривала за соседней квартирой в том же доме, где она жила. У нее было много черных кур, которых она называла по именам и с которыми разговаривала. Анна Михайловна всегда искала повод накормить меня яичницей в тот голодный 1947 год. Была у нее дойная коза. Анна Михайловна предложила мне доить эту козу, а молоко забирать себе домой.

Анна Михайловна Шворнева

Для того чтобы получать дополнительный паек из трех килограммов ячменной муки, по окончании учебного года я на все лето вместе с мамой шла на полевые работы. Самым трудным было полоть просо. Ростки его трудно отличить от сорной травы, поэтому полости руками. Но работать в наклон сил не было. Полости, ползая на коленках. Рядки были длинные. Солнце палило нещадно. Закончив рядок, мы просто падали от изнеможения. Периодически подвозили воду в бочке. Пока ее подвозили, вода в ней прогревалась, становилась теплой и пахла тиной. Бочка внутри вся была в водорослях. А еды не было...

Иногда меня приглашали как репетитора к отстающим ученикам, и это было для семьи подспорьем. В качестве гонорара я получала горшочек молока.

Учителя Быковской школы поддерживали меня, как могли, делясь со мной своими хлебными пайками. Особенно я благодарна за это Марии Андреевне Васильевой, учительнице математики, классному руководителю Шмаковой Розантине Михайловне и завучу Елене Сергеевне Быстряковой. Я была в школе одной из лучших учениц, и учителя не хотели, чтобы голод помешал мне успешно закончить школу. Они искренне сопереживали тому, как голодала наша семья и каким гонениям она подвергалась. С Еленой Сергеевной мы встречались потом в Сталинграде в 1991 году, а с Розантиной Михайловной вели переписку до 2000-х...

В 1946 и в начале 1947 года мама ходила по инстанциям с требованием возвратить хотя бы корову, ведь мы страшно голодали: ели траву, горчичный жмых, а хлеба не видели несколько лет! Но вместо возврата мать вызвали в районное отделение МГБ и пригрозили: «Ты уберешься со своими щенками в 24 часа туда, откуда пришла!» В тот день, когда мама услышала эти страшные слова, она хотела свести счеты с жизнью. Вечером она призналась мне: «Знаешь, дочка, я хотела броситься с кручи в Волгу. Но потом вспомнила о вас с Ростиком. Что же будет с вами без меня?» Наверное, подлило масло в огонь и то, что накануне от безысходности я в отчаянии отправила письмо товарищу Сталину, в котором, стараясь не делать ошибок и писать красиво, просила помощи, с горечью и болью описывая наши мучения после возвращения из ссылки. Конечно же, до Сталина это письмо не дошло, и оно осело под сукном в районном отделении МГБ. Вот почему вспомнили про «щенков»!

На семейном совете мы решили, что я должна ехать в Сталинград за документом, подтверждающим наше право на возвращение из ссылки.

Отпросившись у завуча в школе, я поехала в Сталинград. Снабдили меня в дорогу лепешками из горчичного жмыха. Больше ничего из съестного не было. Это был конец апреля 1947 года. Волга широко разлилась, а пристань еще не ставили. Садиться на пароход пришлось с лодки. Было страшно.

Пароход пришел в Сталинград поздно вечером. Кругом развалины, тьма. Откуда-то из подвалов доходил свет коптилок. До войны я часто с родителями ездила сюда в гости к родным, и теперь по памяти нашла трамвайное кольцо. К моему удивлению трамваи ходили, и та же довоенная «четверка» довезла меня до тракторного завода. Оттуда через пустырь добралась до поселка, где жила тетя Маша, папина сестра.

Встреча с тетей Машей была и радостной, и тяжелой. Она обнимала меня, плакала и говорила о том, как я похожа на своего отца.

Наутро, накормив меня молочной пшенной кашей и *ХЛЕБОМ (!!!)*, тетя Маша повела меня в облисполком. «Дальше действуй сама»,— сказала она.

И вот я в приемной. Вид у меня, вероятно, был ужасным. Одежда в заплатках, на ногах какие-то чуни, худая (брат меня дразнил: «Шикилет!»), лицо желтое и опухшее. В приемной находился помощник председателя облисполкома. По наказу мамы

разговаривать я хотела только с «главным». Но когда я просидела в приемной, наверное, уже часа четыре, помощник председателя, бывший фронтовик, нашел ко мне подход, и я ему рассказала, зачем приехала. Он воскликнул:

— Вот видишь! Тебе действительно надо в другое место. Я помогу тебе.

И он позвонил кому-то. Потом объяснил мне, куда и к кому идти. Оказалось, мне надо было обратиться в областное управление МГБ. Оно располагалось недалеко от облисполкома. На вахте мне подсказали, как заказать пропуск. Я позвонила по телефону. Меня уже ждали.

Не знаю, в каком звании был тот начальник, к кому я попала. Это был одетый в штатское высокий худощавый темноволосый мужчина лет сорока с внимательными серыми глазами. Меня он усадил на стул, выслушал мою эпопею и сказал:

— Посиди, я скоро вернусь.

И оставил меня одну в своем кабинете.

Отсутствовал он, как мне показалось, довольно долго. Потом я услышала быстрые шаги по коридору. Этот человек буквально вбежал, крича:

— Девочка! Девочка! Я нашел!

Оказывается, он нашел тот документ, по которому нам разрешили вернуться из ссылки. Дальше он сказал:

— Езжай домой, успокой маму. Больше вас никто не тронет.

Не знаю, возможно ли такое человеческое отношение к человеку в наше «демократическое» время...

Я сказала ему:

— Мама велела без справки не возвращаться. Дайте мне справку!

Он засмеялся:

— Не бойся! Теперь с *ними* разговаривать буду я.

С тем я и уехала домой. Точно не помню, но, по-моему, фамилия этого начальника была Воронов.

Накануне Нового 1948 года мама добилась возврата коровы и привела ее на виду у всего поселка. Корова была породистая, красно-белая, крупная, рога калачиком. Она оказалась стельной и 29 февраля 1948 года принесла телочку. Новорожденную телочку многие тогда хотели приобрести. Корову мы назвали Жданкой, а телочку — Звездочкой. Радости нашей не было предела! У нас появилось и молоко, и масло, и сметана, и творог! Корова весом в полтонны давала более 20 литров молока в день. И это при том, что у нас не принято отбивать телят от коров!

Когда пастух гнал стадо на выпас, наша Жданка гордо и с достоинством шла впереди всех. Ее лидерство признавалось всем стадом.

Но наше счастье, как и счастье Жданки, было недолгим. Кое-кого душила злоба и зависть. У лучшей коровы на всю округу «ветврачи» и иже с ними вдруг «нашли» бруцеллез. Покрывать не разрешили и отогнали в изолятор. Я ходила туда ее доить. Кроме нее там было еще несколько коров. К осени мама должна была принять решение, что дальше делать с коровой. И маме ничего не оставалось, как сдать корову на бойню. Когда она вела ее туда, то горько плакала. И вместе с нею плакала Жданка, у которой крупные слезы лились рекой. Но самое удивительное обнаружилось потом, при обследовании внутренностей забитой коровы. Заключение ветврача гласило: она была абсолютно здорова!

В 1948 году я закончила Быковскую среднюю школу.

Выпускной 10-й класс Быковской средней школы, сентябрь 1947 года. В первом ряду вторая слева я; во втором ряду вторая слева — Мария Андреевна Васильева; в центре директор школы — Александр Григорьевич Попов; справа от него — Розантина Михайловна Шмакова; в третьем ряду вторая справа — Елена Сергеевна Быстрякова, завуч. Снимок сделан в день празднования 800-летия Москвы.

К этому времени я могла бы закончить еще и заочные курсы переводчиков, на которые мне настоятельно рекомендовала поступить учительница немецкого языка. Но курсы были платными. Нужно было заплатить за обучение 400 тогдашних рублей. Таких денег в семье не было. Пенсия за потерю кормильца составляла 75 рублей. У мамы работа была сезонная, плата за которую составляла менее 100 рублей в месяц. Так что нищета закрыла мне дорогу в этом направлении, и мои большие способности к иностранным языкам остались нереализованными. Но позже мой сын, Владимир, окончил иняз Тульского педагогического института имени Л. Н. Толстого, и кроме основного английского говорит по-португальски, переводит тексты с японского языка и имеет познания в ряде других языков.

Я решила поступать в Московский технологический институт пищевой промышленности. Мне посоветовала это та самая Женечка-метеоролог (видимо, в благодарность за давний совет мыть полы помидорами). К тому же выбор профессии был предопределен многолетним голодом. Дороже хлеба, считала и считаю, ничего на свете нет, поэтому всю свою жизнь связала с хлебопечением.

Приехать в Москву мне снова помогли москвичи, которые были в эвакуации и жили с нами в одном поселке под Барнаулом. Зная о том, как наша семья бедствовала, прислали маме письмо с предложением, чтобы я ехала в Москву для продолжения учебы. Это была семья Куваевых. У них было шестеро детей. Двое старших сыновей воевали на фронте. Оба остались живы. Один из них после войны закончил МГУ, а другой — военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Три сестры окончили биофак МГУ, а четвертая — пединститут имени В. И. Ленина. Мать семейства, Анастасия Ивановна, в царское время была воспитанницей Новодевичьего монастыря. Столько доброты и сострадания было в ее сердце! И надо было иметь мужество,

чтобы приютить у себя дочь «врага народа». Склоняю голову перед ее светлой памятью... С семьей Куваевых я поддерживаю дружескую связь и до настоящего времени, в особенности с младшей дочерью — Соней, с которой я сидела за одной партой.

В верхнем ряду слева направо: Анастасия Ивановна Куваева и моя мама, Алтайский край, Лебяжье, 1944 год.

Мы с Соней Куваевой (слева), Алтайский край, Лебяжье, лето 1945 года

Поступала я в институт, как уже говорилось, окончив сельскую школу. Но уровень обучения в ней был высокий. Знания давались прочные, хотя и учителя, и ученики ходили в школу голодными, учебников не было, вместо тетрадей писали на обрывках газет, на обратной стороне каких-то бухгалтерско-складских документов. Вместо чернил — сок красной свеклы. Не было пресловутого ЕГЭ, но были знания, позволившие мне, сельской девчонке, только в шестнадцать лет узнавшей, что кроме зубного порошка для чистки зубов есть еще и паста, поступить в московский вуз при конкурсе 8 человек на место. Тогда ведь фронтовики шли вне конкурса. На многих вступительных экзаменах меня спрашивали: «Какую школу вы кончали?» Узнав, что Быковскую, удивлялись, что она не под Москвой, а на Волге.

Когда у экзаменатора по немецкому языку я спросила, на каком языке мне отвечать правило, женщина опешила: «Конечно же, на русском!.. А вы что, и на немецком можете?!» А ведь у нас в 9-10 классах уроки немецкого велись только на немецком языке. Тут и речевая практика, и большой словарный запас...

Экзамен по немецкому языку состоял из двух частей — вопроса по грамматике и перевода на русский язык. Первая часть не представляла для меня никакой трудности. Со второй оказалось сложнее. Дело в том, что поступающим в институт фронтовикам предлагались простейшие адаптированные тексты, часто детские сказки в сокращенном варианте. Мне же достался сложный оригинальный текст сугубо технического содержания. Как сейчас помню его название — «Жидкий кислород». Видимо, подобного рода задания давались с единственной целью — завалить абитуриента. Но я с этим заданием справилась. Когда я отвечала, принимавшая экзамен преподавательница все время говорила: “*Gut... Sehr gut...*” и было видно, что слушать мой ответ доставляло ей удовольствие. В экзаменационный лист она поставила мне «отлично».

Письменный экзамен по математике из потока я сдала раньше всех, потратив на

решение задач и примеров менее часа. Через полчаса после начала экзамена я не только решила свой вариант, но и помогла соседу. Когда я сдавала экзаменационной комиссии лист с решениями, в комиссии меня не поняли и спросили: «Вы что, не будете сдавать экзамен?» Я ответила: «А я уже все решила». И, тем не менее, мне поставили за тот экзамен только «четверку». Наверное, за дерзость. Девчонка из провинции, плохо одетая (сатиновое платье, сделанное из старой бабушкиной юбки, и сыромятные тапочки...), а сдала раньше москвичей!

На устной математике мне достался билет, один из вопросов которого был связан с логарифмами, а они школьной программой не предусматривались. И поэтому по математике я получила общую «тройку». Думаю, что логарифмы также служили инструментом отсеивания «лишних». Ну, Бог им судья...

Перед дверью аудитории, где проводился экзамен по химии, стояли встревоженные абитуриенты. Многие поступавшие выходили оттуда с растерянным видом и «двойками». Я зашла в эту дверь и спокойно взяла билет. Мне досталось производство алюминия. Экзамен принимала высокая светлорусая женщина с большими карими глазами. Она проверила решение задачи, выслушала мой ответ. Потом подошла ко мне, обняла за плечи и сказала: «Какая же ты молодец!»

Я вышла, и меня обступили со всех сторон, спрашивая: «Что?» Я показала им свой листок, где красовалось «отлично». Все в один голос ахнули, потому что моя «пятерка» была единственная.

В институт я поступила. Думаю, что по уровню своей тогдашней подготовки я могла бы поступить не только в этот вуз, но и в МГУ, и в институт иностранных языков. Боюсь только, что клеймо дочери «врага народа» не позволило бы мне взлететь на такую высоту, как это произошло с моей институтской подругой Ниной Герольд...

Нина училась со мной на одном курсе, и мы три года были в одной группе, пока нас не разделили по специальностям. Она была москвичкой и жила вместе с матерью, сестрой и братом в селе Останкино на Малой Кошонкинской улице, что неподалеку от усадьбы того самого графа Шереметьева, который имел свой театр. И вот что интересно: после войны в Москве разрешали держать в хозяйстве корову. И Герольды корову держали. Она содержалась в очень чистом хлеву с деревянным полом, который ежедневно надраивался. Санитарная инспекция очень строго следила за чистотой содержания животных. А она, эта чистота, была такой, что даже мух не было! Мама Нины, Анна Сергеевна, добрая голубоглазая простая женщина, воспитывала детей одна, без мужа, который, как оказалось, сгинул в лагерях за свое немецкое происхождение, хотя был-то всего-навсего водителем троллейбуса... Я частенько бывала в семье Герольдов, особенно когда приходилось готовиться к экзаменам. Мы это делали вместе с Ниной, уходя в Шереметьевский парк. Анна Сергеевна никогда не отпускала меня, не покормив обедом. С Ниной мы до сих пор поддерживаем связь.

Вообще студентам жилось голодно. Стипендия была маленькая — от 220 до 290 рублей. Из этой суммы мы 15 рублей платили за общежитие, 30 рублей отдавали в государственный заем, 75 рублей стоил единый проездной по Москве (никакими льготами студенты тогда не пользовались). Еще два года, с 1948 по 1949-й, я платила за обучение в институте (было и такое!). На питание и прочие нужды ничего не оставалось: пирожок стоил 1 рубль, а килограмм хлеба из муки второго сорта — 4 рубля (хлеб тогда продавали на вес). Обычный обед в студенческой столовой у меня состоял из 250 г хлеба (1 рубль) и двух стаканов чая по 30 копеек (всего 60 копеек). Итого весь обед стоил 1 рубль 60 копеек. В то время в столовых работали официантки. И вот одна из них, простая русская женщина, жалея меня, обычно ставила передо мной тарелку супа или что-нибудь из вторых блюд и отрывисто говорила мне: «Ешь!»

Я всегда ждала писем из Сталинграда от тети Маши, потому что она обычно вкладывала в конверт 10 рублей. И тогда мы с подружками могли попить, купив по два пирожка.

Учеба в московском институте дала мне не только профессию, но и открыла мир прекрасного. Первый музей, в который меня привела Анастасия Ивановна Куваева, был музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это посещение меня просто потрясло... Потом была Третьяковка и много других музеев. Я переслушала почти весь репертуар Большого театра и его филиала, который теперь известен, как театр оперетты.

Первая опера, которую я услышала в своей жизни, была «Князь Игорь» Бородин. Попала я на нее при забавных обстоятельствах. Демобилизовавшийся из армии старший сын Анастасии Ивановны Сергей привез в подарок сестрам туфли, но ни одной из них по размеру они, как в сказке, не подошли. Зато они подошли мне. Анастасия Ивановна сказала: «Вот, Сережа, тебе и надо пойти с Зоей. Она ведь в опере еще ни разу не была».

Мне посчастливилось слушать знаменитого баса Ивана Петрова, которому дочь Шаляпина Ирина подарила перстень Федора Ивановича; Сергея Лемешева, Максима Михайлова, Артура Эйзена и многих других. В балете «Лебединое озеро» видела Майю Плисецкую.

Посещала я и драматические театры — Малый, МХАТ, театр Сатиры, им. Пушкина и другие, благо билеты на неудобные места стоили меньше, чем билет в кино. Почти всегда в театры и оперу со мной ходила Нина Герольд.

Вспоминается мне забавный случай, который произошел со мной, когда я училась на втором курсе. Как-то мы с одной из моих подруг, Валей Сулимой, шли по улице Горького к метро «Охотный ряд» мимо гостиницы «Москва». И в этот момент я неожиданно глаза в глаза увидела красавца Владлена Давыдова, киноактера, тогдашнего кумира всех девчонок. Он только что получил всесоюзную известность, снявшись в кинокартинах «Встреча на Эльбе» и «Кубанские казаки». Ему тогда было 25 лет. Он был одет в красивое коричневое драповое пальто, а на голове — зеленая велюровая шляпа. Валя шла дальше, продолжая что-то говорить и не замечая, что я застыла, как вкопанная, разинув рот и уставившись на Давыдова. Он обратил на меня внимание, рассмеялся и сказал: «Да, это я!» И пошел дальше, оглядываясь и по-доброму смеясь. После я получила от Вали нагоняй: как я могла, не сказав ей, одна смотреть на Владлена Давыдова!

Был в нашем институте любительский хор академической направленности, которым руководил в прошлом оперный тенор Михаил Васильевич Преображенский. Он занимался с нами не от и до, согласно положенному ему окладу, а столько, сколько он считал нужным. Он поставил нам голос, научил управлять дыханием и артикуляцией. Хор наш звучал великолепно.

В 1951 году наш институт отмечал свое 20-летие (как и я!), но актовому залу не было, так как институт не был еще достроен в связи с прошедшей войной. И руководство института арендовало для торжественного вечера Большой зал Московской консерватории. Наш хор открывал вторую часть вечера. Ребята были одеты в черные фраки с белыми манишками и бабочками, а девушки — в длинных нежно-розовых крепдешиновых платьях с декольте. Все это бралось напрокат. Когда наш хор выстроился на сцене, с балкона донеслось: «Зайчишка, не робей!» Так звали меня однокурсники, и я поняла, что это адресовано мне. Сначала мы исполнили «Патриотическую песню» Глинки. Советские поэты нашли слова к ней в отличие от современ-

ных — «демократических». В результате это торжественно-величавое произведение Глинки не стало, к моему глубочайшему сожалению, гимном новой России. Исполнили мы также «Хор половецких девушек» из оперы «Князь Игорь», «Хор русалок» из оперы «Русалка» Даргомыжского... Успех был ошеломляющий. А после нас выступали профессиональные певцы, в том числе и из Большого театра. Народная артистка СССР Наталья Шпиллер, знаменитое сопрано того времени, слушала нас в кулисах и аплодировала нам, когда мы уходили со сцены.

В мае 1949 года, когда я уже заканчивала первый курс, мама написала, что бабушка слегла и хочет только дожидаться меня. И дождалась. Через три дня после того, как я приехала из Москвы на летние каникулы, она утасла...

В том же году мама получила вызов из Калининграда, бывшего Кенигсберга, от своей младшей сестры Зинаиды, и они с Ростиком переехали в город на Балтийском море.

Ехали они через Москву, останавливаясь на несколько дней у Куваевых. Куваевы жили не в самой Москве, а в Битцевском лесопарке, станция «Красный строитель». Я из общежития к ним навещалась. Маме с братом нужно было приезжать и в саму столицу, хотя бы за железнодорожными билетами на Белорусский вокзал. Я помню, как мы поднимались на эскалаторе, и наверху Ростислав замешкался, поскольку еще не знал, как надо правильно сходить с эскалатора. Как же нещадно, с каким-то непонятным ожесточением начали толкать его, 14-летнего подростка, москвичи! Он буквально кружился под их толчками и даже ударами. На глазах его были слезы, и он говорил: «Давайте, скорее, уедем отсюда!» Бессердечные столичные люди! Как же ненавидите вы тех, кто беднее и хуже вас одет!..

Брат Ростик, г. Калининград, 1950 год

В марте 1953 года, когда я уже оканчивала институт, умер Сталин. Учась в институте, мы регулярно ходили на все демонстрации, но мне так ни разу и не довелось увидеть Сталина на трибуне Мавзолея. Наш институт находился в Ленинградском районе, а этот район почему-то всегда проходил по Красной площади последним, где-то часов в 5 вечера. К тому времени Сталин уже уходил. День 7 ноября 1952 года выдался очень холодным. Шел мокрый снег. Я долго зябла в своем пальтишке и, на-

конец, не выдержала и ушла в общежитие. А вечером я узнала от своих подруг, что на этот раз они видели Сталина на трибуне. Я очень горевала по этому поводу...

7 марта согласно графику я поехала в институт для плановой консультации по поводу дипломной работы. Но в связи со смертью Сталина все консультации были отменены. И тогда мы, три подружки (со мной были Нина Герольд и Тома Пахомова), решили пойти в Колонный зал Дома Союзов, где находился гроб с телом Вождя. Но для этого нам надо было прибиться к какой-нибудь организации. Чтобы попасть к Колонному залу, надо было пройти на Пушкинскую улицу, а на нее можно было выйти только через Трубную площадь. К этой площади со всех сторон сходилась множество улиц, по которым непрерывным потоком, сплошной массой шли люди. И никто не пускал нас в свои шеренги. В конце концов, толпа нас прижала к стене какого-то дома на углу Трубной площади, и уже протиснуться было невозможно никуда. Нас сдавили так, что никаких других мыслей уже не было, кроме как выбраться из этого кошмара живыми. При этом на самой Трубной площади наблюдалась такая картина. Группа здоровенных, атлетичных молодчиков в штатском, обнявшись за плечи, раскачивали толпу, придавая ей движение. Люди начали падать и давить друг друга. А тут еще конная милиция врезалась в толпу. Кони поднимались на дыбы и опускали свои копыта на головы шедших проститься с Вождем. Началась страшная паника. Мы каким-то образом, уже без пуговиц на пальто, вырвались в какие-то дворы, стучали в окна домов и просили жильцов открыть парадные подъезды и пропустить нас... Слава Богу, удалось вырваться из этого ада и разойтись по домам. Потом я узнала, что на Трубной площади было много погибших.

Я отправилась в свое общежитие Алексеевского студгородка на троллейбусе и запомнила картину того, как карманники обшаривали карманы пассажиров... Добралась я до своей комнаты, еле живая от страха...

На похороны Вождя пройти было невозможно. И Москву, да и всю страну охватил какой-то массовый психоз. Толпы обезумевших людей стремились все к тому же Колонному залу. Убитые горем люди хотели отдать последний долг Вождю любыми способами, не отдавая себе отчет в том, что это может стоить им жизни.

Я на пятом курсе, Москва, 1953 год

После окончания института меня направили на работу в Рязанскую область на Скопинский хлебокомбинат — сразу главным инженером, потому что кадров тогда катастрофически не хватало. Мне тогда было 22 года. Интересно, что именно в это время начался перевод советского хлебопечения с военных норм производства на нормы государственного стандарта. Несмотря на недавно закончившуюся войну, для хлебопечения выделялось натуральное животное масло, как правило, топленое, поскольку холодильников не было. Маргарин же выделялся в небольших количествах. Мед пчелиный натуральный, а также куриные яйца, тоже выделялись по потребностям производства, поэтому сдобные булочные изделия и пряники были вкусными.

На Скопинском хлебокомбинате состыковались две эпохи хлебопечения — начала XX века и периода индустриализации страны. На нескольких пекарнях комбината замес теста производился вручную в больших деревянных ящиках типа колод. Описание такого производства есть у Максима Горького в рассказе «Двадцать шесть и одна». Это тяжелый, изнуряющий труд, особенно когда замешивается тесто из пшеничной муки. И в то же время были хлебозаводы с современным технологическим оборудованием: установленными просеивательными и тестомесильными машинами. Там были даже тестоделители. Мне потом пришлось заниматься заменой устаревшего дореволюционного оборудования этой новой техникой.

На освоении новой машины по производству бубликов,
хлебозавод № 4, г. Тула, 1957 год

Я хорошо помню пекарей старшего поколения, работавших в пекарнях. Им тогда было уже лет по семьдесят, они начали свою трудовую жизнь еще при царе. Эти старички были не только опрятны внешне, но и чисты душой. Я любила с ними вместе разделять сдобные изделия, и просто беседовать. Почти все они были неграмотными и вместо росписи в ведомостях и документах ставили крест. Но сколько мудрости, сколько такта и уважения они проявляли по отношению ко мне, как к главному инженеру, ведь я годилась им во внучки! Меня они ласково называли не по имени-отчеству, а просто «Розочкой». Я на всю жизнь осталась им благодарна и за доброе отношение, и за то, что они научили меня понимать тесто...

Вообще, по разработанным в разное время рецептурам можно проследить развитие не только хлебопечения, но и экономики страны в целом...

Горький след в хлебопечении оставило освоение целины, так как в связи с ним резко ухудшилось качество муки. Выращенное на целине зерно ссыпалось прямо на

землю под открытым небом, ибо заблаговременно подготовить необходимую инфраструктуру не удосужились. Хрущевское руководство страны не просчитывало последствия. На мелькомбинаты приходили обыкновенные вагоны, загруженные сырым зерном. Во время пути следования оно прорастало, и в нем поднималась высокая температура. Разгружали такие вагоны в валенках, ватных брюках — ломami. Все шло на огневую сушку, после чего о качестве зерна говорить не приходилось...

Нельзя без боли вспоминать 1963 год, когда великая страна осталась без собственного зерна, и начались его закупки за рубежом — в Канаде, Аргентине... Эти закупки продолжались очень длительное время. Вышли правительственные постановления для обязательного исполнения по добавке в хлеб гороховой муки, а также кукурузной и ячменной. Были установлены пониженные требования к качеству хлеба за счет перечисленных добавок.

Из-за бескормицы осенью начался массовый забой крупного рогатого скота. Мне никогда не забыть ужасной картины, которая предстала передо мной на Тульском мясокомбинате. Обезглавленные туши коров плыли по рельсовому транспортеру, и с них стекала кровь пополам с молоком. А рядом лежали вынутые из чрева телята — уже большие, с копытцами и покрытые шерстью, которым злая воля так и не позволила родиться. Вот так руководили оказавшиеся у власти хрущевские волонтеры!.. Впрочем, это тема особая, которую в двух словах не раскроешь.

К тому времени мама и Ростик уже несколько лет жили в Калининграде. Мама пошла работать поваром в столовую при молодежном общежитии целлюлозно-бумажного комбината № 1. График работы был тяжелым: сутки через сутки. Условия работы — не менее тяжелы: плита топилась углем, а подсобная работница была только одна. Еще в штате столовой имелась одна официантка. Завтрак, обед и ужин надо было приготовить вовремя.

Л. И. Краснова (слева) за работой в столовой при молодежном общежитии ЦБК № 1 г. Калининграда, 1951 год

Подсобной рабочей в столовой трудилась тетя Рая. В войну она потеряла всех родных. Оставшись совсем одна, она жила в маленькой комнатке. Сердце у нее было чуткое, доброе, не озлобившееся. Наверное, потому тетя Рая удочерила сиротку — немецкую девочку Ирму. Я очень хорошо ее помню: голубоглазая, белокурая, лет

пяти-шести. Она тогда уже бойко говорила по-русски. За проказы тетя Рая, бывало, в сердцах говорила ей: «У, Гитлер!» А в ответ получала: «Ты сама — Гитлер!» Конечно, девочка не понимала смысла этого слова...

Питание в столовой, как уже сказано, было трехразовым, и готовить приходилось всю ночь. Мама уходила на работу в 10 часов вечера и возвращалась домой в это же время на следующий день. Часто, присев в кресло, она тут же засыпала от усталости. А в следующий вечер — снова на вахту. «Страна зовет!» — шутила мама.

Она до самой пенсии проработала в столовой, пользуясь уважением и любовью молодых ребят, которые приходили к ней со своими проблемами, просьбами и просто за материнским советом. Хотя коллектив столовой был маленьким, его отличало взаимное уважение и желание во всем помогать друг другу.

В 1950 году Ростик, окончив семилетку, поступил в Клайпедское мореходное училище на судостроительное отделение. Окончив его, он вернулся в Калининград и поступил работать на один из военных заводов. Позже он перешел в конструкторское бюро рыбной промышленности и там преуспел. За разработку производственной линии обработки рыбы он был удостоен бронзовой медали ВДНХ. За всю недолгую жизнь он получил много авторских свидетельств за инженерные изобретения. При необходимости Ростислав выезжал на предприятия Советского Союза, где занимался отладкой производственных линий, — в Астрахань, бухту Ольга на Дальнем Востоке и многие другие места.

Брат Ростик, курсант Клайпедского мореходного училища, 1955 год

Сначала я приезжала к маме и брату на студенческие каникулы, затем в отпуск, а в 1965 году переехала в Калининград совсем.

В 1974 году в возрасте семидесяти трех лет после очередного инфаркта мама умерла. Жизнь оставила глубокие зарубки на сердце... За ее плечами было всего два класса церковно-приходской школы, но она много читала, обладала прекрасной памятью. У нее была правильная речь, и никто никогда не мог подумать, что эта женщина не получила надлежащего образования. С ней легко было говорить буквально на любые темы. Все свои доводы она правильно и доходчиво аргументировала. Помню, как папа, однажды сказал ей: «Эх, Лина, если бы тебе дать образование, ты могла бы быть министром!» У них с мамой всегда был лад...

Мама прекрасно готовила и была хорошей хлебосольной хозяйкой. Она умела замечательно обустроить быт. В ее доме царил уют и порядок. Мама всегда говорила, что работу в доме надо делать по плану. «Каждый день недели должен быть отведен для какой-то определенной работы. Например: стирка — в четверг, глажение — в пятницу, приготовление пищи и уборка — в субботу. Но воскресенье обязательно должно быть свободным!» Эту заповедь мамы я усвоила навсегда.

Через восемь лет после мамы на 47-м году ушел из жизни мой брат Ростислав. У него остались две дочери — старшая Елена и младшая Екатерина. Теперь у них уже свои взрослые дочери...

Ростислав Краснов, 1972 год

Когда в 1991 году был принят Федеральный Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (была прямая трансляция с заседаний Верховного Совета РСФСР), я плакала, потому что никто из нашей семьи, кроме меня, не дожил до этого дня...

В 1992 году я послала в Волгоград, где репрессировали нашу семью, документы на реабилитацию. Каково же было мое удивление, когда в 1993 году я получила оттуда четыре справки о реабилитации моих родителей по репрессиям 1930 и 1942 гг.! Изумление вызвало то, что нас с братом признали не подлежащими реабилитации. В письме Минюста РФ за подписью министра Калмыкова издевательски утверждалось, что по своему малолетнему возрасту, мы с братом, якобы, в соответствии с тогдашним законодательством не могли быть подвергнуты репрессиям, а, следовательно, не подлежали реабилитации!

Конечно, с таким утверждением я согласиться не могла. Я изучила Конституцию РФ 1993 года и международные правовые акты. Вела переписку со многими властными инстанциями, в том числе и с Советом Федерации, была на приеме у председателя Совета Федерации В. Ф. Шумейко, который был депутатом от Калининградской области, и в 1994 году обратилась с жалобой в Конституционный Суд РФ.

В конце концов, мне пришло приглашение из Москвы, и в мае 1995 года я поехала на заседание Конституционного Суда. Как я волновалась! Дочь дважды репресси-

рованных родителей, находившаяся с ними в ссылке и прожившая свою жизнь с клеймом «дочери врага народа», — на трибуне Конституционного Суда!

Моими оппонентами выступали представители Президента, Госдумы, Генеральной прокуратуры и доктор юридических наук.

Стояла звенящая тишина, когда я говорила о том, что пришлось пережить, и о том, что дети, находившиеся с родителями в ссылке, в местах лишения свободы, должны быть признаны репрессированными по политическим мотивам и подлежащими реабилитации со всеми вытекающими последствиями, поскольку терпели все невзгоды репрессий наравне со своими родителями. Судьи слушали меня, затаив дыхание, и ни разу не прервали мое выступление, которое длилось более получаса.

И суд услышал меня! В своем постановлении он отметил, что «положение части первой статьи 21 названного закона о том, что дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, признаются лишь пострадавшими от политических репрессий, противоречит статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом, а также статьям 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку не охраняет в равной мере с правами лиц, признаваемых жертвами политических репрессий, права потерпевших от злоупотребления властью, не обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию за причиненный ущерб... Это подтверждается и требованиями статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, установивший, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года, под термином «жертвы» также понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека».

Таким образом, в статью 2 Федерального Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» была внесена поправка, и миллионы детей репрессированных получили право на реабилитацию. Президент Ельцин был вынужден подписать новую редакцию закона «О реабилитации...», где часть статьи 2 была изложена в моей формулировке и с учетом моих требований!

Полагаю, что изменив закон в пользу детей репрессированных, я сделала самое главное дело своей жизни. Очень хотелось бы надеяться на то, что такие массовые преступления, совершенные государством против своего народа, никогда не повторятся. А наши потомки пусть помнят, через какие круги ада пришлось пройти миллионам ни в чем не повинных людей... И сейчас это уже, увы, уходящая натура...

Как уже говорилось, в 2003 году я навестила Быково и опытную станцию. Тогда я там встретила с Клавдией Павловной Синчай*, которую знала еще с 1945 года. Она жила в той же квартире, в которой в 1938 году жили мы всей семьей и откуда я пошла в первый класс начальной школы в Учхозе. Она знала и помнила мою маму, брата Ростислава и особенно бабушку Анну (ее в поселке все любили). Меня же она не помнила,

---

* Синча́ Клавдия Павловна (р. 1921), селекционер, сотрудник Быковской бахчевой опытной станции Волгоградской области.

хотя по разговорам знала. Встреча наша была очень теплая, трогательная. Клавдия Павловна упрашивала меня остаться у нее ночевать, но нахлынувшие воспоминания довели меня до рыданий, всколыхнули все прошлое — тяжелое и горькое. Сердце мое буквально разрывалось, и поэтому остаться в этом доме я не могла. Клавдия Павловна проводила меня до околицы. Она прихрамывала после перелома ноги, которая все еще болела. Некоторое время мы с ней еще переписывались...

К. М. Синча́ (за столом) на Быковской опытной станции, 1946 год

К. М. Синча́, кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный агроном Российской Федерации

Таланты моего отца не пропали даром. Они перешли к его внукам и правнукам. Все они получили музыкальное образование. Некоторые связали свою жизнь с музыкой. Внучка Екатерина, дочь Ростислава, одна из ведущих скрипок Запорожского симфонического оркестра. Правнук Всеволод, мой внук, музыкант Тульского муниципального оркестра народных инструментов «Ясная Поляна», талантливый аранжировщик и пишет интересную музыку. И еще он унаследовал от прадеда Василия, моего отца, высокий рост и писанные черные брови. А внучка Ростислава Даша окончила финансовую академию и пошла по профессии прадеда, стала хорошим бухгалтером. Он бы гордился такими потомками!

И все-таки не дают мне покоя вопросы. Кто же в ответе за все страдания, причиненные государством своему народу? Почему государство, пусть теперь это уже и другая Россия, так и не повiniлось перед своим народом, не попросила у него прощения?

Когда в конце декабря 2013 года прогремели, один за другим, взрывы в Волгограде (и далеко не первые!), унесшие десятки жизней и покалечившие сотни людей, мое сердце будто разорвалось на части. Для меня Сталинградская земля святая и священная. Когда я ступаю на эту землю, мне кажется, что под ногами сочится кровь — это плачут кровавыми слезами те, кто погиб, защищая Сталинград. И они все еще стонут... Вспоминается та девушка «в заштопанной шинели» из стихотворения поэтессы Юлии Друниной:

*Обнимались, плакали и пели,
Шли в атаку.
Прямо на бегу*

*Девушка в заштопанной шинели
Распластала руки на снегу.*

*Мама, мама! Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девушка в заштопанной шинели
Распластала руки на снегу...*

И как же меня не только удивило, но и покорило то, что государство, не выполнив своего конституционного долга по обеспечению безопасности своего народа, не объявило даже однодневного государственного траура! Новогодние чумовые пляски с песнями, кривляния смехачей,— этот «пир во время чумы» транслировался по всем телеканалам. И ни слова скорби по погибшим! Я это восприняла как кощунство и неуважение к Городу-Герою и его жителям, ветеранам Сталинградской битвы. Столько жертв и — в мирное время!

Оглядываясь в прошлое и всматриваясь в день нынешний, я с тревогой замечаю, как в нашей стране постепенно начинается то, чему я была свидетелем в юные годы. Ужесточаются гонения на инакомыслящих, сопровождающиеся полицейским произволом и несправедными судами. Неужели уроки прошлого ничему не учат?!

